

Доктор

Михаил Серегин

Воля под наркозом

«Научная книга»

2009

Серегин М. Г.

Воля под наркозом / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2009 — (Доктор)

В блуждающем по ночным улицам лунатике, потерявшем память, дар речи и разум, Владимир Ладыгин узнает своего бывшего сокурсника по мединституту Колесова. Практически вытащив его из-под колес случайного автомобиля и отправив в клинику, Владимир начинает расследовать обстоятельства, которые привели старого знакомого в такое состояние. Выясняется, что Колесов руководил загадочной секретной лабораторией. Его помощница Катя, весьма привлекательная особа, оказывает Ладыгину явные знаки внимания, однако интуиция подсказывает Владимиру, что тут что-то нечисто. И не зря – во время визита в секретную лабораторию на Ладыгина нападают со спины и делают усыпляющую инъекцию в плечо...

© Серегин М. Г., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Серегин

Воля под наркозом

Глава 1

– Здесь, что ли? – озабоченно пробормотал Степаныч, заруливая в пустынный двор.

Вопрос он адресовал скорее себе, но я на всякий случай покрутил головой, прилежно вглядываясь в темные силуэты девятиэтажек.

– Вроде здесь...

Степаныч молча покосился на меня. Тут же возникло ощущение, что я ляпнул что-то неприличное или высказал сомнения в правильности маршрута. Москву Степаныч знал как свои пять пальцев, с легкостью ориентировался в немыслимом переплетении городских улиц, улочек и переулков, и не было еще случая, по крайней мере на моей памяти, чтобы наша «Скорая» опаздывала к больному по вине водителя. Бывало, конечно, что клиент отправлялся в мир иной, не дожидаясь нашего приезда, но это уже, как говорится, было его право.

Машина мягко остановилась около тускло освещенного подъезда, я подхватил укладку и, кряхтя, выбрался наружу. Следуя настоятельным рекомендациям не всеми любимого, но всеми глубоко уважаемого Штейнберга Бориса Иосифовича, нашего руководителя, о том, что спортивную форму надо держать, а заодно «сбрасывать дурную энергию», которой, по его мнению, у меня было слишком много, я выкроил время для посещений спортивного зала и рьяно взялся за дело. Видимо, Борис Иосифович был отчасти прав, когда поставил посещение мной какого-нибудь спортивного клуба непременным условием моей дальнейшей работы в клинике, и «дурная энергия» действительно была через край. На первой же тренировке я, естественно, перестарался с нагрузкой, захваченный ностальгией по прошлым временам и пьянящим ощущением мышечной радости, и уже на следующий день вкусил все прелести последствий своего непомерного усердия. Вчерашнее, второе по счету посещение зала положения особенно не улучшило, и теперь малейшее движение сопровождалось неприятным дрожанием в коленях и тупой болью в мышцах. Ныла и протестовала буквально каждая клеточка тела.

– Шеф? – из окна высунулась невыспавшаяся физиономия Вадика, нашего санитара, а по совместительству студента медицинского института. Особого энтузиазма физиономия не выражала.

– Сидите пока, – я благосклонно махнул рукой, поморщился и вальяжной, неспешной походкой двинулся к подъезду. Передвигаться по-другому у меня теперь не получалось.

Дверь квартиры распахнулась еще до того, как я успел надавить кнопку звонка.

– Здравствуйте, доктор, – женщина, так стремительно открывшая дверь, теперь в нерешительности замерла на пороге, очевидно раздумывая, стоит ли приглашать меня в квартиру, – это я вас вызывала.

– Неужели, – брякнул я, не без интереса разглядывая ее статную фигуру и ухоженное лицо, черты которого еще не утратили былой красоты. Пауза начала затягиваться. – Так мне проходить или все уже выздоровели?

Слова мои женщину ничуть не смутили, однако она посторонилась и сделала приглашающий жест.

– Сначала мне хотелось бы с вами поговорить, – она заперла дверь и протянула узкую ладонь, – Ирина Сергеевна.

– Очень приятно. Ладыгин Владимир Сергеевич, – я пожал руку, отметив мимоходом отсутствие на ней каких-либо украшений. – Я бы предпочел сначала взглянуть на больную. Высокая температура, знаете, дело нештучное.

– У нее нет температуры, – Ирина Сергеевна смущенно кашлянула, – и не было.

– То есть как не было? Температура, общее недомогание, слабость, головная боль, – скороговоркой перечислил я данные, переданные мне диспетчером.

Женщина снова кашлянула.

– В том-то и дело. Я вас обманула. Лерочка не больна. То есть она больна, но... Не хотите помыть руки?

Я проглотил вертевшееся на языке предупреждение о последствиях ложного вызова и послушно направился в ванную, с некоторым любопытством ожидая продолжения. Клиентура у нас особенная, обычно с туго набитым кошельком и большими связями. А часто с не менее большими амбициями и причудами.

Мытье рук проходило при полном обоюдном молчании. Принимая с готовностью поданное мне полотенце, я не выдержал, мельком взглянул на часы и вежливо напомнил:

– Я вас слушаю самым внимательным образом.

Не то чтобы я торопился, но молчаливое вступление затягивалось.

– Три месяца назад, – наконец решительно начала Ирина Сергеевна, – Лерочка вышла замуж. По большой любви, заметьте. А месяц назад ее горячо любимый муж погиб.

Я открыл было рот, но женщина остановила меня властным жестом.

– Лерочка – моя дочь. Ничего, если мы пройдем на кухню? У нее, кроме меня, никого нет. Я забочусь о ней, как могу. Уговорила ее взять отпуск, позаботилась, чтобы руководство отнеслось к этой вынужденной мере с пониманием. Но... – она строго посмотрела мне в глаза и будничным тоном продолжила: – Кофе будете?

Я отрицательно качнул головой, несколько огорошенный такими внезапными переключениями разговора на бытовые темы.

– Последнее время она пугает меня все больше и больше. Все время молчит, ничем не интересуется, телевизор не смотрит, книг не читает. А сегодня, – Ирина Сергеевна слегка повысила голос, пресекая очередную мою попытку перехватить инициативу разговора, – сегодня, когда она сделала попытку выпрыгнуть в окно, я поняла, что необходимо привлечение специалиста.

– Но, послушайте, – наконец прервал я ее с искренним возмущением, – если все так серьезно, какого... Извините, зачем вам потребовалось вводить в заблуждение наших сотрудников? Объяснили бы, в чем дело, и получили специалиста. А я, к вашему сведению, о психиатрии имею довольно поверхностное представление.

– Вот именно! – с жаром воскликнула Ирина Сергеевна. – О психиатрии! И кого бы мне прислали? Психиатра. Со смиренной рубашкой и здоровенными бездушными санитарями!

Я вспомнил циничные шуточки и внушительные фигуры наших санитаров – Вадика и Славика, тоже студента-медика, и, не удержавшись, произнес, зловеще ухмыляясь:

– Санитаров, кстати, я вам предоставлю хоть сейчас. Именно таких, каких вы только что описали. По индивидуальному заказу, так сказать.

Глаза женщины испуганно округлились, но, судя по всему, она сочла более благоразумным промолчать. В манере ее речи, серьезном и настороженном взгляде прямо-таки сквозила старая закалка номенклатурного работника, которого долго и упорно учили строить витиеватые фразы, лишнего не болтать и вообще жить с оглядкой. Я почувствовал себя слегка виноватым и уже более миролюбиво поинтересовался:

– От меня-то вы что хотите? Доброго слова?

Ирина Сергеевна помялась.

– Да, собственно... Погорячилась я, наверное, с вызовом. Подумала, белый халат, доброе слово, как вы изволили выразиться. Вы все-таки врач... Да вы не волнуйтесь, вызов я, естественно, оплачу.

– Насчет этого я не волнуюсь, – заверил я. – Однако вам известно, что я обязан сообщить о попытке самоубийства?

– Да, известно, – произнесла Ирина Сергеевна с неохотой, – я внимательно изучила федеральный закон об оказании психиатрической помощи гражданам... Но, послушайте, нельзя же все время следовать букве закона. Речь идет о судьбе человека! Если Лерочка попадет в психушку, это же может сломать ей всю жизнь!

– Зачем же вы так – «в психушку»? В психиатрическое отделение, это во-первых. А во-вторых, речь идет не просто о судьбе вашей дочери, а о ее жизни.

– Вот именно, о ее жизни, – женщина сделала ударение на «ее», – так, может, вы с ней сначала и поговорите? И не надо куда-то сообщать, а? Я вас прошу. Маленькая ложь, возможно, в обмен на жизнь человека?

Не знаю, как бы я поступил, если бы она начала спорить, качать права или предлагать деньги. Но тут я сдался.

– Хорошо, я поговорю с вашей дочерью, а там посмотрим.

Лера оказалась красивой стройной девушкой с бездонными темными глазами, в которых застыла боль, тоска и немой вопрос. Она полулежала в большом удобном кресле, устремив безучастный взгляд куда-то в угол. Она повернула голову, посмотрела сквозь меня и натянуто улыбнулась одними губами. Я представился и замолчал, не имея ни малейшего понятия, что говорить дальше.

С усилием, как бы нехотя девушка разлепила губы.

– Вы громко разговаривали. Я все слышала.

Она замолчала, легким кивком указала на диван и снова отвернулась. Даже моих поверхностных знаний о психиатрии оказалось вполне достаточно, чтобы поставить предварительный диагноз. Все симптомы глубокой депрессии были налицо: двигательная заторможенность, апатия, что там еще? Я покопался в памяти. Ага, торможение интеллектуальной деятельности, проявляющееся в том числе в нежелании говорить и замедлении речевых реакций. Вполне присутствует.

– Я не хочу умирать, – снова заговорила девушка. – Проблема в том, что и жить не хочу. Я еду с вами.

Она вопросительно посмотрела на меня. Я кивнул, перечислил, что необходимо взять с собой, и вышел, рискнув напоследок попросить поторопиться. Неукротимый жизнелюб, я всегда с опаской и сочувствием относился к страдающим депрессией людям.

В коридоре меня ожидала мрачная Ирина Сергеевна.

– Ни за что, – решительно заявила она. – Лерочка сильная, она справится. А я в состоянии сама обеспечить ей все условия.

– Но не профессиональную помощь, – не менее решительно отозвался я, – маленькая уступка принципам, возможно, в обмен на жизнь человека. Вашей дочери, между прочим.

По дороге к машине мы оба не произнесли ни слова. Лера передвигалась легко и беззвучно, как тень. Волосы она собрала в хвост на затылке, отчего тонкая шея трогательно обнажилась. Под мышкой девушка сжимала полиэтиленовый пакет с вещами, вцепившись в него, как в последнюю соломинку.

При нашем приближении Славик и Вадик выскочили из кузова, деловито огляделись. К счастью, на этот раз они сумели удержаться от обычных острот. То ли ситуацию прочувствовали, то ли красота девушки так смутила этих переодетых в белые халаты гоблинов. Вторая причина была более вероятна. «Больных надо лечить, а не сопереживать им», – любил с важным видом поучать молоденьких медсестер Славик. «Вот-вот, сочувствие вредно для самочувствия», – поддакивал ему Вадик, имея в виду, конечно, свое самочувствие.

Лера равнодушно скользнула взглядом по лицам бравых санитаров, слегка моргнула в ответ на бодрую фразу Вадика «Здрасте!» и с сомнением уставилась на стол, закрепленный в середине кузова.

– Вадим, усади девушку поудобнее, – строго сказал я, подчеркнуто выделив «усади», – Слава, поедешь со мной в кабине.

Славик обиженно засопел, засунул в карманы халата огромные ручки и двинулся к кабине. Физиономия Вадика растянулась в счастливой улыбке:

– Слушаюсь, шеф!

Славик ожидал меня около открытой дверцы кабины. Сдержанно побряхтывая, я забрался внутрь.

– Заводи, Степаныч, поехали.

Двигатель заурчал. Славик с мученическим видом поставил ногу на подножку. Разделить братцев-санитаров мне хотелось потому, что я не знал, как их жизнерадостный треп отразится на состоянии девушки. Ни один, ни другой были не в состоянии долго держать рот закрытым, а трепались они неизменно на три темы: веселые студенческие будни, еда и женщины.

– Сделай лицо попроще, – попросил я, – не на эшафот поднимаешься.

Горестно вздохнув, санитар полез в кабину.

– Ладно, – сжалился я, – топай в кузов. Но чтобы вести себя там смирно.

– Яволь, шеф! – гаркнул Славик и испарился, не забыв, впрочем, захлопнуть дверцу.

Наконец мы тронулись. Я прикрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Настроение сегодня у меня и так было не ахти – отношения с Мариной зашли в очередной тупик, да и ноющие мышцы не способствовали оптимизму, – а непродолжительное общение с печальной Лерой окончательно настроило меня на сентиментально-лирический лад.

С Мариной мы познакомились довольно давно, когда она попала в автомобильную аварию, а затем – с серьезными ожогами на больничную койку. Долгое время мы ходили вокруг да около. Марина упорно держалась от меня на скаутском расстоянии, стесняясь, ко всему прочему, оставшихся после ожогов шрамов. А я, хотя и догадывался, что вся ее холодность и отчужденность не более чем защитная броня, не решался настаивать. Неизвестно, чем бы все это кончилось, но, как говорят в народе, не было бы счастья, да несчастье помогло. Точнее, одна история со стрельбой, погонями и похищениями, в которую я умудрился не только сам влипнуть, но и Марину втянуть. Именно тогда мы окончательно поняли, как дороги друг другу и что вместе нам гораздо лучше, чем врозь.

Последовало несколько счастливых дней, недель, потом счет пошел на месяцы. Но недавно на горизонте внезапно появилось маленькое облачко, которое стремительно превратилось в грозовую тучу. Началось все, как водится, с мелочи, с досадного недоразумения. Пару недель назад, заявившись без предупреждения, я застал Марину в мрачном расположении духа. «Извини, на работе проблемы, я не в настроении и хотела бы сегодня побыть одна», – отрезала она, едва я переступил порог. Мне бы отнестись с пониманием, тем более знаю, что работа, точнее, служба у Марины не сахар, – трудится она криминалистом. Однако куда там, я ведь тоже с характером. «Что ж, – говорю, – дорогая, твое желание для меня закон. Дай знать, когда с проблемами разберешься». Так и ушел, даже не спросил, что случилось.

Прошла неделя, потянулась другая. Наконец я не выдержал, позвонил сам. И снова повел себя, как последний идиот. Едва слышав в трубке спокойный, даже радостный Маринин голос, я не без сарказма – как же, я волнуюсь, страдаю, а она радуется как ни в чем не бывало – поинтересовался:

– Как дела на работе? Проблемы все еще одолевают?

На что получил сухой ответ:

– Все еще да.

На этом, собственно, наш разговор и завершился.

– Что такой смурной сегодня, Володя? – прервал мое самобичевание Степаныч.

Я неопределенно пожал плечами.

– Да так, взгрустнулось чего-то. Слушай, Степаныч, случайно не в курсе, кто сейчас из психиатров на месте?

– Да вроде Крутикова видел.

– Крутикова? Это хорошо...

С коллегами из психиатрического отделения я практически не общался. Володя Крутиков был, пожалуй, единственным исключением. Кроме одинакового имени у нас было еще много чего общего, например, любознательность и жажда деятельности. Хотя некоторые предпочли бы выразиться иначе – непомерное любопытство и бьющая через край дурная энергия. На днях Володя жаловался на нехватку интересных пациентов. Лето, поделился он, не сезон для нашего клиента, то ли дело весна. Особенно тяжело тезка переживал зимние месяцы, когда в отделение выстраивалась очередь из желающих не столько подлечиться, сколько отдохнуть от работы и тягот семейной жизни. «Разве ж это пациенты?» – мрачно восклицал он тогда и грозился уйти в обычную больницу с «нормальными» шизофрениками, психопатами и суицидентами. Я улыбнулся, представив, с каким энтузиазмом примется он за Леру.

До клиники оставалось езды не более пяти минут. Степаныч перестроился в правый ряд, готовясь к повороту, и чуть сбросил скорость. Внезапно один из придорожных столбов раздвоился, от него отделилась долговязая тень и двинулась к обочине. Хотя «двинулась» не совсем верное слово. Человек переставлял ноги неуверенно, как если бы шел в сильный шторм по палубе небольшого судна. Перемещался он при этом довольно быстро, на какое-то мгновение замер перед бордюром у края дороги, затем перешагнул его, высоко подняв длинную ногу.

– Эк тебя! – воскликнул Степаныч, ударяя одновременно на тормоз и на сигнал.

Оказавшись на проезжей части, человек ничуть не смутился, лишь повернул голову в нашу сторону. Ноги его в это время продолжали методично передвигаться, словно его влекла вперед какая-то невидимая сила. В свете фар мелькнули фанатично горящие глаза, впалые щеки и высокий лоб с прилипшими к нему сосульками волос. Левая рука безжизненно свисала, а рукав пиджака был сильно разорван на предплечье. Словно замороженные, мы молча наблюдали, как, слегка подергиваясь всем телом при каждом шаге, человек пронесся перед нашей машинкой и, не сбавляя скорости, вылетел на полосу второго ряда.

Этот странный субъект почему-то напомнил мне Мишку Колесова, с которым мы вместе учились в медицинском. Но я тут же отменил эту ассоциацию по причине ее полной нелепости. Мишка к спиртному был равнодушен, крепкие напитки вообще с трудом переносил и весил по меньшей мере килограммов на сорок больше. Кроме того, Мишку я видел последний раз не далее чем недели три назад, одетого с иголочки, счастливого и пышущего здоровьем.

Между тем слева раздался визг тормозов, и тяжелый «мерс» замер в полуметре от долговязой фигуры. Субъект автоматически повернул голову на резкий звук, занес ногу для очередного шага, застыл и медленно стек на асфальт.

– Завод кончился, – удовлетворенно пробормотал Степаныч.

Сзади неуверенно засигналили. Я схватил укладку и, влекомый чувством долга, бросился к месту происшествия, крикнув на ходу:

– Степаныч, разрули тут!

Около субъекта уже суетился водитель «Мерседеса». Первое, что он сделал, это затормозил типа за плечо, призывая того то ли подняться, то ли дать отчет о состоянии своего здоровья.

– Не трогать! – рявкнул я, но водитель уже перевернул несчастного на спину и попытался подхватить его под мышки.

Тип лежал, неловко подвернув под себя ногу и раскинув в стороны длинные руки. Голова его безвольно моталась при каждой попытке водителя придать ему вертикальное положение.

Я оттеснил незадачливого хозяина «мерса» в сторону, аккуратно опустил типа на асфальт и приступил к осмотру. Пульс был частым, неровным и едва прощупывался. Человек был без сознания, но дышал, судорожно всхрапывая при каждом вдохе. Его худое, изможденное лицо белым пятном выделялось на черноте асфальта. Явственно чувствовался запах мочи и давно немытого тела. Спиртным, к моему удивлению, не пахло вообще.

– Мужики, клянусь, я до него не дотронулся! – причитал водитель. – «Скорую» бы, а? Телефон у кого есть? Клянусь, он сам упал!

Наконец он углядел мой белый халат и на некоторое время заткнулся. Я запрокинул голову несчастного назад, оттянул нижнюю челюсть и открыл рот. Храп прекратился, дыхание постепенно восстановилось. Я оглянулся на «Скорую». Степаныч вырулил на левую полосу, освободив дорогу для отчаянно сигналижающих машин, и сейчас сдавал задом. В приоткрытые дверцы кузова деловито выглядывали санитары, ожидая, когда «Скорая» остановится.

– Носилки! – заорал я, пожалев мимоходом, что выехал на вызов без своей помощницы, надменной девицы с очаровательными глазками и скверным характером, но хорошо знающей свое дело.

Тип на моих руках едва уловимо шевельнулся и затих. Дышать он, по-видимому, больше не собирался. Краем глаза я увидел, как выскакивают из машины санитары, волоча за собой носилки. Драгоценные мгновения уходили, утекали сквозь пальцы.

Не колеблясь, я выхватил из кармана марлевую повязку, набросил ее на чернеющий в темноте рот, глубоко вдохнул, плотно прижал губы к горячим и сухим, что ощущалось даже сквозь слои марли, губам человека и с силой выдохнул. Мелькнула мысль, что моя помощница таких действий бы точно не одобрила. Для меня же этот человек сейчас был не опустившимся бомжем, маргинальным элементом, от которого приличным людям следует держаться подальше, а пациентом, требующим немедленной помощи. С удовлетворением я отметил, как поднялась и начала опускаться грудная клетка. После повторения процедуры дыхание полностью восстановилось.

Я машинально все-таки вытер губы рукавом халата и поднял голову. «Двое из ларца, одинаковы с лица», как я про себя иногда называл Вадика и Славика, уже стояли рядом, ожидая дальнейших указаний. Я убрал марлевую повязку с лица неожиданного пациента и снова подивился его неестественной худобе и изможденности. Складывалось впечатление, что человек не ел несколько суток. И не пил, добавил я мысленно, проведя рукой по его иссохшему лбу и щекам. Едва ли руководство одобрит, если я притащу в нашу элитную, черт возьми, спецбольницу этот бесплатный «подарок». Словно в ответ на мои мысли Вадик неуверенно произнес:

– Первый раз вижу бомжа при галстукке и в туфлях, которые стоят примерно столько, сколько я получаю за год.

Только теперь я сообразил, почему вид субъекта вызывал у меня такое недоумение – он больше походил не на бездомного нищего или алкоголика, с которыми я сравнил его по привычке, а на потерпевшего кораблекрушение состоятельного человека. Его костюм, если не принимать во внимание многочисленные дыры и местами налипшую кусками грязь, говорил о хорошем вкусе и достатке своего хозяина и явно был сшит на заказ или куплен в дорогом бутике. Я снова подумал о Мишке Колесове.

– Чего ждем? – гаркнул я «молодцам». – Аккуратно на носилки и в машину. – Мне не терпелось взглянуть на пациента при нормальном свете.

Санитары рванулись выполнять приказ. Совместными усилиями мы уложили странного прохожего на носилки, Славик и Вадик рысцой двинулись к машине. Передо мной, как из-под земли, тут же вынырнул водитель «Мерседеса».

– Может, без милиции обойдемся? – просительно затянул он. – Клянусь, он сам упал.

Ага, голубчик, очень кстати. Я и забыл про тебя совсем. Милиция тебя пугает? Оч-чень хорошо!

– То есть как это сам? – грозно начал я, жестко ткнув пальцем в волосатую грудь, украшенную массивной цепью. – Где это вы видели, чтобы человек сам перед машиной падал? Ничего не знаю, милиция разберется! Пострадавший получил серьезные повреждения, лекарства, лечение, моральный ущерб, наконец, – кто оплачивать будет? А если он вообще не выкарабкается? Я вас спрашиваю!

Отступая под моим натиском, водитель медленно, но верно сдвигался в сторону крайней полосы, по которой одна за другой мчались машины. Еще один пациент мне ни к чему, благо-разумно решил я, сгреб парня в охапку и потянул к «Мерседесу».

– Меня ждет пострадавший, милицию мы вызовем по рации. А вы, уважаемый, не вздумайте покинуть место происшествия, номер машины я запомнил хорошо!

– Я все оплачу, – затараторил водитель, – лечение, лекарство, этот, как его, ущерб...

– Ладно, следуйте за нами в больницу, – бросил я и помчался к «Скорой». Смоется, так и черт с ним, нет – будет иметь шанс совершить благое дело.

В три прыжка я догнал санитаров, а через мгновение о водителе уже снова забыл. Уложив клиента в стабильное положение и быстро произведя необходимые манипуляции, я воспользовался оставшимся временем, чтобы осмотреть «подарок» более тщательно.

Теперь, при ярком свете, его сходство с Колесовым бросалось в глаза еще больше. Подавив желание тут же исследовать содержимое его карманов, я занялся его левой рукой. Предплечье пересекала глубокая рана с рваными краями. Кровь, впрочем, давно запеклась. Опасаясь других возможных повреждений, я зафиксировал руку, оставив дальнейшую заботу о ней хирургам. На худом запястье тускло блеснули часы. В голове шевельнулось какое-то смутное воспоминание, однако сначала я все же пошарил в карманах. Как и следовало ожидать, ни документов, ни бумажника не было.

Лера, на которую я сначала тревожно поглядывал, отнеслась к происходящему с невозмутимым спокойствием. Все это время она тихонько сидела на месте, не порываясь задавать вопросы или падать в обморок, за что я ей был чрезвычайно признателен. Отрешенность в ее глазах даже сменилась некоторым любопытством.

Я снова обратил взгляд на часы. Старомодные, местами оцарапанные, хотя и золотые, они как-то не вязались с дорогой тканью костюма и так поразившими воображение Вадика шикарными туфлями. Я осторожно отстегнул часы и взвесил их на руке. Судя по всему, они действительно были золотыми. На оборотной стороне просматривалась надпись. В нетерпении я потер корпус краем халата, отчего на белой ткани немедленно появилось грязное жирное пятно, и поднес часы ближе к свету.

«Сыну в день совершеннолетия. Папа», – прочел я мелкие витиеватые буквы.

Мишка Колесов боготворил своего отца, очень гордился этими часами и не желал расставаться с ними даже на минуту. Я невесело усмехнулся, вспомнив, как мы однажды подшутили на Мишкой, спрятав часы в кармане его же собственного пиджака. Задал он нам тогда жару. Что же с тобой приключилось, дружище?

Не доезжая нескольких метров до ворот клиники, машина остановилась. В окне, ведущем в кабину, показалась озабоченная физиономия Степаныча. Что там, еще ЧП? Не достаточно ли на сегодня?

– Володя! – через стекло голос Степаныча звучал приглушенно. – Там этот, на «Мерседесе». Он нам нужен?

– Еще как! – вскинулся я. Это же Мишкин «страховой полис»! Надо же, доехал, не смылся. – Спасибо, Степаныч. Погодь минутку. Вадик, давай по-быстрому к «мерсу», тащи водителя сюда.

Вадик кивнул, сделал суровое лицо и выскочил из кузова. Через приоткрытую дверцу я наблюдал, как водитель после коротких переговоров с санитаром рысцой двинулся к «Скорой».

– Слушаю? – глаза его смотрели преданно и честно, только немного бегали.

Не выходя из машины, я приоткрыл дверцу ровно настолько, чтобы водитель мог углядеть неподвижное тело на столе.

– Значит, так, дела пострадавшего плохи. Понадобится не менее двух-трех недель пребывания в больнице. Если выкарабкается, конечно, – добавил я многозначительно. Глаза водили беспокойно забегали. – Клиника у нас хорошая, но элитная, а посему платная. Другими словами, и не таких на ноги мои коллеги ставили, но за круглую сумму.

Водила понимающе закивал. Еще бы, ему да не знать, что за все платить приходится. Лицо его приняло сосредоточенно-внимательное выражение. Поколебавшись, как бы не переборщить, я назвал сумму, эквивалентную трехнедельному отдыху в нашем «санатории». Парень шумно, с облегчением выдохнул и полез в карман. Возможность избежать встречи с ментами он, по-видимому, ценил гораздо выше. Любопытно, он что, такие суммы с собой таскает? На карманные расходы, видимо. Я покачал головой в некотором изумлении.

– Если готовы взять расходы на себя, садитесь в кабину, иначе с охраной клиники общаться придется, а это займет много времени. Оплатите как положено, получите квитанцию, оставьте свои данные. Не волнуйтесь, вам это ничем не грозит, просто порядок такой. И поторопитесь. Если он, – я мотнул головой в сторону стола, – загнется в ближайшие несколько часов, тогда общения с милицией не избежать ни вам, ни мне.

Минут через пять мы уже шагали по бесконечным коридорам клиники. Я давал последние напутствия.

– Если будут спрашивать, представитесь дальним родственником. Нет, лучше знакомым. Скажите, свалился друг как снег на голову – неизвестно откуда. А тут наша «Скорая». Наплетите там что-нибудь неразборчивое. Мы же не хотим о ДТП сообщать? Не хотим. – О ДТП по понятным причинам не хотели сообщать мы оба. Он – потому что жутко боялся стражей правопорядка. Я – потому что никакого ДТП не было. – Только смотрите, не заврите. Скажите, что паспортных данных не знаете, адрес «приятеля» тоже не помните. Попытайтесь, мол, связаться с родственниками. Что еще? Ах, да, имя. Назовем пострадавшего, скажем... Колесов Михаил Александрович. Запомните?

– Доктор, а, это... Тебе-то сколько? Ну, лично тебе, благодарность, так сказать?

– Что? – Мои глаза исторгли молнии. – Какая «благодарность»? Единственное, что меня интересует, – это жизнь и здоровье больного!

«Страховой полис» ловко увернулся от молний, смущенно потупился и о деньгах больше не заговаривал.

– Ждите здесь. Надежда Ивановна, – важно обратился я к молоденькой девушке за столом, – будьте любезны взять плату за лечение этого несчастного, что мы сейчас доставили. Вперед, скажем, за три недели. Гражданин завтра уезжает и не знает, когда вернется.

– Владимир Сергеевич?..

– Наденька, – торопливо зашептал я, – некогда, потом все объясню. Возьми с этого кадра за три недели по максимуму, пока он тепленький, о'кей? Иначе еще один бесплатный пациент гарантирован. Но ты же знаешь, как руководство к этому относится? – Наденьке позиция руководства была прекрасно известна. – Пострадавший – Колесов Михаил Александрович. Другие данные пока неизвестны, документов нет, адрес неизвестен. Пока, но я обещаю в скором времени восполнить все пробелы. Сделаем?

– Под вашу ответственность, Владимир Сергеевич, – с сомнением покачала головой девушка.

– Разумеется, Надюша! Если что, скажи – вынудил, уломал, силой заставил, подлец эдакий.

– О чем это вы шептались? – подозрительно уставился на меня «полис».

– Тише вы, – шикнул я, – неудобно. Я попросил Надежду Ивановну не донимать вас расспросами. Готовьте деньги.

- Ладыгин! – заверещал громкоговоритель.
- Все, уважаемый, мне пора. Ни о чем не беспокойтесь, мое слово – закон.

Глава 2

Часа через два, успев сдать беднягу Колесова, пообщаться с Крутиковым по поводу Леры и съездить по вызову к сердечнику-хронику, я выкроил время и забежал в реанимацию, ставшую на ближайшее время для Мишки домом родным.

До недавнего времени я имел счастье трудиться в реанимационном отделении, пока судьба моя не сделала крутой вираж, в результате чего я оказался в терапии. Отработав положенное на основном месте, я, как и многие мои коллеги, отправлялся в ночное дежурство на «Скорой». Совмещение должностей давало неплохую прибавку к жалованью, а также занимало почти все имеющееся в моем распоряжении время. Последнее обстоятельство, полагаю, значительно оберегало меня от разного рода приключений, которые в моей жизни и так присутствовали в изрядном количестве.

Институтский мой приятель попал в умелые и заботливые руки Щербакова, который, было дело, и меня однажды буквально из могилы вытащил.

– Времени в обрез, – с порога предупредил я. – Как он?

– Знакомый, что ли? – прищурился Щербаков.

– Вообще-то да, – честно признался я. – В институте вместе учились.

– Коллега, значит. Так-так, тем интереснее... Не знаю, что произошло с твоим приятелем...

– Что, так серьезно? – Не на шутку испугавшись, перебил я неторопливые речи Щербакова.

– Как сказать... Руку его заштопали, порядок. Переломов нет. Еще имеет место паратройка довольно глубоких ссадин, возможно, сотрясение головного мозга, но утверждать наверняка сейчас трудно. Ну а синяками, ушибами, царапинами украшен дружок твой с головы до ног. Но это все фигня. Самое интересное то, что коллега, похоже, несколько суток ничего не кушал, равно как и не пил. По крайней мере, почти не пил. Степень истощения такая, что заднице его, пардон, впору паутиной зарости, потому как какать давно нечем. В сознание пока не приходил. Организм, к счастью, крепкий – состояние улучшается прямо на глазах.

Мы помолчали, глядя на расprostертое на кровати худое тело. Сейчас, отмытый и переодетый в больничное белье, Мишка выглядел еще более жалко и беспомощно – желтая кожа, обильно украшенная синяками и кровоподтеками, резко контрастировала с белоснежным бельем и перевязочным материалом; голова и руки были увиты проводами, трубками и трубочками. Рыжая с частой сединой щетина только подчеркивала худобу лица.

– Слушай, – нарушил молчание Щербаков, – может, он в какой секте состоял? Знаешь, говорят, есть такие, где самоистязанием занимаются, аскетизм проповедуют.

– Мишка в секте? Быть такого не может, точно говорю.

– А родственники что говорят?

– Отец умер давно, мать-старушка в каком-то пансионате. А больше вроде и нет никого. Так что родственники молчат, – изрек я глубокомысленно.

– Его же оплатили по полной программе, – удивился Щербаков.

– Да это так, приятель какой-то позаботился. Пойду я пока, загляну попозже, как поспокойней станет.

Часа полтора спустя звонки с требованием немедленной помощи временно – как показала практика, до рассвета – прекратились. Сердечники, язвенники, диабетики и искатели приключений взяли тайм-аут на кратковременный сон и отдых. Передышку я решил использовать по полной программе, предварительно заглянув в диспетчерскую. На телефоне дежурила сегодня Алевтина Георгиевна.

– А где Хоменко? – удивился я, не увидев привычной флегматичной физиономии своего диспетчера.

– А я тебя чем не устраиваю? – не упустила случая позубоскалить Алевтина. – Ну, согласишься, Володечка, я же лучше, чем Хоменко?

– Лучше, – охотно согласился я. – С определенного ракурса.

Алевтина смешно поморщилась.

– Ладно тебе, остряк. С чем пришел?

– Наведаюсь в терапию, – доложил я, – затем в реанимацию, а после посижу в ординаторской.

– Иди уж, – милостиво разрешила дежурная, – понадобится – из-под земли достанем, будь уверен. Плюшку хочешь? Сама пекла.

Я добросовестно исполнил врачебный долг перед больными, вверенными мне на сегодняшний день, вполуха выслушал сообщение дежурной медсестры о том, что состояние у всех четверых стабильное и опасений не внушает, и, горя от нетерпения, помчался в реанимацию.

Из палаты Колесова, в спешке едва не сбив меня с ног, вылетела медсестра. Я торопливо распахнул стеклянную дверь. Щербаков склонился над пациентом, озабоченно что-то приговаривая. Услышав звук шагов, он кинул на меня короткий взгляд, мрачно произнес:

– А, это ты? Вовремя. Твой приятель только что пришел в себя.

– Правда? – обрадовался я. – Что говорит?

– Ничего не говорит. Зато попытался немедленно подняться и слинять. Повредил себе иглой вену, напугал до смерти медсестру и опять отрубился.

Я подошел поближе. Щербаков заново налаживал систему. Лицо Колесова побледнело еще больше, из поврежденной вены тонкой струйкой сочилась кровь, стекая из-под наброшенной салфетки на белоснежную простыню. Внезапно Колесов шумно выдохнул, веки его дрогнули.

– Ну-ка, подстрахуй, – торопливо произнес Щербаков, – сейчас опять дергаться начнет. Не пойму, откуда силища такая у этого... этой жертвы Освенцима.

Он быстро закрепил введенную в вену иглу и выхватил шприц из дрожащих рук подошедшей медсестры.

Мишкины глаза широко открылись и уставились прямо на меня. Я невольно вздрогнул, медсестра испуганно ойкнула.

– Без паники! – добродушно прикрикнул на нее Щербаков. – Сейчас мы тебя, голубчик, успокоим.

Одним движением он ловко проколол иглой не так давно мощную, а теперь дряблую, как у старика, мышцу. Тело Колесова конвульсивно содрогнулось. Я поспешно положил руки ему на плечи. Мишка, однако, больше не дергался, его широко открытые глаза продолжали, не мигая, смотреть мне в переносицу.

– Так-то вот, – удовлетворенно пробормотал Щербаков, убирая шприц, – а теперь спать, спать, голубчик.

Во взгляде Колесова не отражалось ни страха, ни боли, ни безумства. Осмысленности, впрочем, тоже. С минуту мы еще усиленно таращились друг на друга, затем глаза Колесова медленно закрылись, тело обмякло, дыхание выровнялось. Я с легким изумлением обнаружил, что сам все это время стоял, практически не дыша, глубоко вздохнул и вытер вспотевший лоб.

– Все, уснул. Вы, Наташенька, пока идите, – ласково обратился Щербаков к все еще перепуганной медсестре, – чаю горячего выпейте. Я пока тут посижу.

Подождав для гарантии еще несколько секунд, он убрал зажим с системы. Питательная смесь капля за каплей начала вновь поступать в истощенный организм Колесова, восполняя недостаток белков, углеводов и иных жизненно важных компонентов.

– Кровь на анализ брали? – поинтересовался я, дождавшись, когда дрожащая Наташенька прошмыгнет за дверь.

– Разумеется, – флегматично отозвался Щербаков. – Все чисто. Ежели он что и принимал, то сейчас никаких следов.

Я нервно прошелся взад и вперед.

– Что он мог принимать? Нет, чует мое сердце, дело пахнет криминалом.

– Что ты мечешься? Проспится, сам все расскажет. Ты бы тоже пошел, чайку выпил, а то чего покрепче. В целях профилактики, так сказать, неврозоз и прочих неприятностей. А домыслы свои советую пока при себе держать. Кстати, неплохо бы какую-нибудь вразумительную историю к приходу начальства подготовить, как мыслишь, а? Между прочим, ты глаза его видел? Может, он того, свихнулся? А что, это многое бы объяснило. Да ты не дергайся, как только клиент проснется, я тебя тут же позову, мне завтра еще до обеда тут торчать.

Следуя совету мудрого Щербакова, я отправился в ординаторскую пить крепкий чай с Алевтиниными плюшками. От мысли употребить что покрепче пришлось отказаться – дежурство было в самом разгаре, а потом еще до полудня в терапии трудиться.

Вразумительную историю для дотошного начальства я состряпал за минуту, тщательно причесав и пригладив первоначальную версию с «заботливым приятелем». Окончательный вариант версии звучал примерно так, что некий приятель случайно наткнулся на Колесова на улице уже в том состоянии, в котором я доставил его в клинику, – и пусть кто попробует доказать обратное или заявить, что это неправда! – собрался было в спешном порядке везти его в больницу, а тут нашу «Скорую» судьба послала.

Благополучно разделавшись с официальной частью, я вернулся к мучительным раздумьям о том, что же произошло с Мишкой на самом деле. Мучительными мои размышления были потому, что известные мне немногочисленные факты никак не желали увязываться друг с другом. Я понимал, что пытаюсь составить цельную мозаику из случайных фрагментов, но упорно продолжал перетасовывать разрозненные кусочки информации в надежде найти хоть какую-нибудь зацепку.

Одинаково сильно влюбленные в медицину, женщин и спорт, мы с Мишкой быстро нашли общий язык и ко второму курсу были уже закадычными друзьями. После окончания института пути наши разошлись. Меня больше привлекала практика, Мишку – наука. Встречались мы все реже и реже, по уши завязнув каждый в своих проблемах. Последние несколько лет не виделись вообще, пока недели три назад не столкнулись случайно около цветочного лотка. Столкнулись в буквальном смысле.

Окрыленный любовью, я торопился к Марине. Чудный, со вкусом оформленный букет цветов я заметил еще на подходе. Подлетев к лотку, небрежно отеснил высокого плечистого франта и ткнул пальцем в приглянувшийся букет: «Вот этот, пожалуйста». «Ошибаетесь, уважаемый, – насмешливо произнес франт, поигрывая увесистой связкой ключей и чувствительно упираясь мне в бок острым локтем. – Эти цветы беру я. Они как нельзя лучше подходят к цвету глаз моей возлюбленной». «Надо же, какое совпадение! – воскликнул я, «случайно» наступая ему на ногу. – Глаза моей возлюбленной такого же оттенка». «А вот это вы напрасно сделали», – с высоты своего роста нахал брезгливо осмотрел испачканную обувь и в упор уставился на меня. В следующее мгновение с воплями «Мишка!», «Володька!» мы бросились обниматься и хлопать друг друга по плечам, приведя в окончательное недоумение толстую тетку за прилавком.

После бурных приветствий последовало не менее бурное выяснение, кому же все-таки достанется букет, только теперь каждый уже пытался настойчиво уступить его другому. Вдоволь нахохотавшись, мы обнаружили, что, во-первых, собрали вокруг себя небольшую толпу любопытных, что немедленно вызвало новый взрыв веселья, а во-вторых, что мы оба рискуем

окончательно опоздать к нашим возлюбленным. Поэтому последними новостями о себе обменивались мы уже в спешке.

– Дня через два обязательно позвоню, – горячо обещал Мишка, торопливо записывая мой рабочий телефон. – Я недавно переехал, телефон поставить еще не успел. Но, знаешь, вот тебе на всякий случай контактный. Если что, ты звякни.

Он нацарапал номер, подхватил цветы и скрылся в толпе, крикнув напоследок:

– Я обязательно позвоню! Извини, подвезти не могу, любовь, брат!

Мишка не позвонил ни через два дня, ни через десять. А я, честно признаться, забыл в суете и о старом приятеле, и о нашем уговоре.

Куда же я дел записку с телефоном? Я бросился лихорадочно обшаривать карманы. Так, спокойно. От Марины раненько утром я поехал сразу на работу. Записку из кармана вынул, это точно. Вынул из пиджака и переложил в карман халата, чтобы позже вложить ее в записную книжку. В книжку я ее не вложил, следовательно... Я постучал себя по лбу. Склеротик чертов! Листочек с контактным телефоном конечно же остался в кармане халата, который спустя отведенное ему время подвергся неизбежному кипячению и глажке.

Накрахмаленный и тщательно отутюженный халат среди других белоснежных собратьев дожидался своей очереди в шкафу. Бережно, словно завешание престарелого богатого родственника, я извлек из кармана то, что осталось от блокнотного листочка. Осталось от него, прямо скажем, немного. Точнее, самому листочку банно-прачечные процедуры особого вреда не причинили – подумаешь, потерял фактуру, да кое-где форму. Но вот чернила разглядеть было практически невозможно. Не к месту вспомнился рекламный ролик, в котором очаровательно улыбающийся молодец опускал в серную кислоту какую-то бумажную продукцию. Я нервно хихикнул. Да, здесь даже спецтехника вряд ли в состоянии помочь. А, впрочем, мне ли, профану, судить о возможностях спецприборов? На это есть специалисты. И один, правильнее сказать, одна из них является очень даже близкой моей знакомой. И, опять же, повод будет если не помириться с Мариной, то, по крайней мере, почву прощупать.

Приняв решение сразу же после работы отправиться к Марине, я категорически запретил себе в ближайшие несколько часов терзаться мыслями о наших с ней отношениях и, окрыленный предстоящей встречей – что ни говори, а я чертовски соскучился по нежным Марининым объятиям, – с головой погрузился в работу.

С тем же усердием я старался не думать о Колесове. Лишних вопросов мне никто не задавал, во всяком случае, пока. Клиент не за спасибо «койко-место», то есть отдельную комфортабельную палату, начиненную новейшим оборудованием, занимает, а за реальные, осязаемые банковские билеты исключительно крупного достоинства.

Периодически меня посещала мысль заглянуть в реанимацию, но Щербаков недвусмысленно дал понять, чтобы я не стоял без нужды над душой. Поэтому я терпеливо ждал, а между делом размышлял над вопросом, стоит ли обратиться в компетентные органы немедленно или лучше немного подождать. С одной стороны, внезапное превращение благополучного Колесова в грязного и основательно потасканного субъекта, который, кажется, был еще и немного не в себе, упорно навевало мысли о криминале. С другой же стороны, имело смысл вначале пролить хотя бы немного света на эту темную историю.

Мало ли что с человеком приключиться может, тем более с таким человеком, как Мишка. Хорош я буду, если поставлю на уши всю московскую милицию, а потом выяснится, что Колесова застучал в объятиях прелестницы внезапно вернувшийся из дальних странствий муж, и мой институтский приятель был вынужден защищаться от ревнивца, спастись бегством, в результате чего и получил многочисленные мелкие и крупные ранения. Ага, при этом каким-то образом умудрился еще и похудеть на несколько десятков килограммов, вероятно, от нервного перенапряжения.

В конце концов я пришел к разумному выводу, что, к кому бы я ни обратился за помощью, проблема нехватки информации останется все равно первым и главным препятствием. А потому, какая разница, я потяну за ниточку или кто-то другой? Одно я знал точно – до сути дела я все равно докопаюсь, чего бы мне это ни стоило.

Часов в двенадцать я был выловлен в коридоре юным – слишком юным, с сожалением отметил я, – и чрезвычайно прелестным созданием в белом халате, которое еще издали зашебетало:

– Владимир Сергеевич! Щербаков просил срочно зайти!

– Благодарю вас, мадемуазель, – произнес я с легким поклоном. – Уже лечу!

Создание звонко рассмеялось и упорхнуло, а я поспешил в отделение реанимации.

Колесов, напряженно выпрямившись, сидел на кровати. Глаза его были устремлены в одну точку. При моем появлении он не шелохнулся, но, могу поклясться, он меня заметил.

– Вот, полюбуйся, – сделал приглашающий жест рукой Щербаков. – Минут десять уже так сидит. Ноль реакции. Слава богу, не буйнит и бежать вроде тоже не собирается.

Я подошел вплотную и помахал ладонью перед Мишкиными глазами. Веки его чуть заметно дрогнули, но взгляд с места не двинулся. Я наклонился, заглянул ему в глаза и невольно поежился. Мишка смотрел бездумно, не бессмысленно, а именно бездумно и немного настороженно. Так смотрит зверь на объект, не представляющий реальной опасности.

– Я же говорю, ноль реакции, – удовлетворенно констатировал Щербаков. – Капельницу пришлось отсоединить, чуть иглу не сломал, зараза. Собираемся попытаться подкормить клиента естественным путем. Попробовать не желаешь?

Он протянул мне фарфоровую посудинку с носиком, предназначенную для кормления лежащих больных.

– Что там?

– Бульон. Куриный.

Я нерешительно взял емкость, медленно пронес ее под Мишкиным заостренным носом. Его ноздри чутко дрогнули. Я довольно хмыкнул, подхватил с тумбочки стакан, без колебаний перелил в него теплый бульон и сунул стакан под нос Мишке.

– А ну-ка, дружище, давай откушаем.

Несколько секунд Мишка вдыхал теплый куриный дух, неожиданно резко поднял руку, впился длинными костлявыми пальцами в стакан и разом опрокинул бульон в глотку. Я и глазом моргнуть не успел.

– Ни хрена себе, – выдохнул Щербаков.

– Я волшебное слово знаю, – гордо сказал я, тщетно пытаясь высвободить стакан из цепких пальцев. – Отдай, больше тебе ничего пока не перепадет. Нельзя.

Колесов на уговоры не поддавался и со стаканом расставаться не желал.

– Ну и черт с тобой, – разозлился я.

* * *

Мишка Колесов, как любят говорить англичане, родился с серебряной ложкой во рту. К моменту его неожиданного зачатия Александр Николаевич Колесов, будущий счастливый отец, имел почетное и заслуженное звание академика, а будущая мама Анна Михайловна Колесова усиленно трудилась над докторской диссертацией. Поздний, неожиданный и оттого еще более желанный ребенок, Мишка еще до появления на свет полностью перевернул жизнь четы Колесовых, доселе увлеченных лишь наукой да друг другом.

– Сынок, – ласково приговаривал Александр Николаевич, поглаживая огромный живот супруги.

– А если дочка? – поддразнивала иногда мужа Анна Михайловна.

– Да я ж разве против? – хитро улыбался седой академик, почему-то уверенный, что родиться должен непременно мальчик.

Беременность, несмотря на опасения и предостережения врачей – Анне Михайловне было уже под пятьдесят, – протекала легко и безболезненно. Не доставил проблем ни матери, ни докторам малыш и во время родов. Появился он на свет точно в срок, немало удивив этим медицинский персонал, и уже через час с небольшим громким воплем возвестил мир о своем прибытии. Первенца назвали Михаилом, в честь деда по материнской линии.

– Богатырь! – восклицал академик, подкидывая младенца к потолку. – Великим человеком станешь!

– Осторожнее, Сашенька! – вскакивала из-за письменного стола Анна Михайловна, роняя на пол диссертационные конспекты.

– Ничего, пусть привыкает к высотам! – смеялся счастливый отец и снова подбрасывал сына вверх.

Возможно, отчасти поэтому уже к окончанию школы вымахал Мишка под два метра, но на этом не остановился, а медленно, но верно продолжал расти, пока не остановился на отметке два метра и пять с половиной сантиметров.

Академик-отец, не в пример своим уважаемым коллегам, был человеком не только умным, но и практичным. Отдавая себе отчет, что в возрасте он находится уже далеко не юношеском, Александр Николаевич отдавал все силы на устройство настоящего и будущего любимого чада.

Читать Колесовы любили, причем не только научную литературу. Количество и тематическое разнообразие книг в домашней библиотеке могло бы вызвать обоснованную зависть у любого знатока и любителя литературы. Ученые родители, к Мишкиному счастью напрочь позабыв народную поговорку о том, что на детях гениев природа непременно берет тайм-аут, стремились дать ребенку всестороннее образование, мудро не ограничивая также его спортивные интересы.

Школу Мишка окончил с золотой медалью, легко и непринужденно, следуя семейной традиции, поступил в медицинский, родителям при этом даже мизинцем пошевелить не пришлось. В институте успевал не только учиться, порой поражая обширными знаниями преподавателей и оставляя далеко позади старшекурсников, но и, не обремененный учебной нагрузкой, с удовольствием и успешно выступал за институтские, городские, а также иные сборные по баскетболу и волейболу.

Не стесненный рамками сурового воспитания – полностью полагаясь на здравомыслие сына, родители ни в чем не навязывали ему свою точку зрения, – вырос и возмужал Мишка свободным от каких-либо комплексов, науку жизни, равно как и науку врачевания, постигал быстро и безболезненно.

Александр Николаевич предусмотрительно и вовремя переговорил по душам с одним уважаемым знакомым, сунул на лапу другому и перед уходом на заслуженный отдых обменял шикарный, но казенный дом в Переделкино на хорошую просторную трехкомнатную квартиру в престижном районе Москвы, получив в довесок еще и почти новую «Волгу». Сам Александр Николаевич, как и его горячо любимая супруга, водить не умел, но машину взял, заботясь о подрастающем и всесторонне развитом сыне.

В день восемнадцатилетия Мишка получил в подарок от родителей «Волгу», а лично от отца – золотые часы с дарственной надписью, в свое время подаренные академику еще его отцом, Мишкиным покойным дедом. К средству передвижения Мишка отнесся со спокойной радостью, часы же принял с благоговением и со скупыми слезами благодарности, как знак уважения и некий символ, своего рода семейный талисман.

Еще до окончания института Мишке начали поступать предложения о работе, одно привлекательнее другого. Выбрал Колесов-младший скромную должность младшего научного

сотрудника в недавно созданной при каком-то НИИ лаборатории по изучению психофизиологических особенностей и возможностей человеческого организма, поступив одновременно в аспирантуру.

Через два года Мишка, хотя к тому времени Мишкой молодого ученого звали разве что родители да особо близкие друзья, с блеском защитил диссертацию, после чего сразу получил приглашение на участие в проведении исследований... Далее в официальной бумаге следовало туманное название темы, больше напоминающее хитрую игру слов и призванное завуалировать истинную суть строго засекреченного направления вышеозначенных исследований.

Вскоре после этого Александр Николаевич с чувством выполненного долга перед близкими и наукой отошел в мир иной, оставив Анну Михайловну в одиночестве тихо радоваться дальнейшим успехам сына. Михаил же Александрович, увлеченный любимым делом, мимоходом совершал мелкие и крупные открытия и даже небольшие перевороты во вверенной ему сфере науки, не забывая, однако, уделять достаточное время престарелой матушке, друзьям, а также женщинам и иным не менее интересным явлениям природы и сторонам жизни.

Однако в настоящий момент ничего этого Михаил Александрович Колесов не помнил. Более того, он даже не задумывался о том, что должен что-то помнить, знать, хотеть. Как не задумывался и о том, что может о чем-то задумываться. Прошлого для него не существовало, будущее его не интересовало, а настоящее не трогало.

Ему было тепло, сытно и спокойно. Вокруг громоздились какие-то приборы, суетились люди почему-то в белых одеждах, но опасности от них не исходило, а потому все это не имело ровным счетом никакого значения.

Мелькнуло, правда, на миг ощущение, что он должен немедленно подняться и куда-то идти. Он даже поднялся, но вот беда – куда надо идти, он не знал. А потому опустился обратно на пахнущие чистотой простыни и замер в ожидании знака, подсказки, что делать дальше.

Люди вокруг что-то говорили, некоторые слова он как будто знал, но значение их ускользало. Один из людей был высоким и сильным, но угрозы от него как будто тоже не ощущалось, даже напротив, Колесов почувствовал к нему что-то похожее на симпатию. Человек что-то сказал ему, что именно, Колесов не понял, да и не стремился понять. Потом он задал вопрос, еще один. Что-то неуловимое и почти не ощутимое в голове подсказало, что надо что-то ответить, но Колесов не знал, что именно, а потому не издал ни звука.

Высокий человек помолчал, потом начал снова говорить что-то непонятное, но голос его звучал приятно и успокаивающе. Потом человек мягко подтолкнул Колесова назад. Спина, как, впрочем, и рука, немного ныла. Это не мешало, но неприятно раздражало. Поэтому Колесов не стал противиться сильным рукам, а послушно лег.

Сознание Колесова было чисто и невинно, как у новорожденного младенца. Время от времени всплывали, но тут же исчезали, уходили образы, запахи, слова. Другой человек присел рядом на кровать и взял в руки какую-то прозрачную штуку. «Шприц», – услужливо подсказала память, но не потрудились объяснить значение этого слова. Поэтому, как и другие слова, это тоже растаяло. Колесов расстался с ним без сожаления. Зачем сожалеть о том, что не имеет значения?

Стало немного больно, это было неприятно, и Колесов инстинктивно дернулся. Однако другой человек, тот, первый, снова заговорил с ним и положил ему на лоб руку, пахнущую чем-то знакомым. Глаза Колесова начали закрываться, он попытался воспротивиться, но неуловимый друг и советчик где-то внутри сказал, что надо отдохнуть. Колесов позволил векам сомкнуться и мгновенно провалился в обволакивающий, теплый сон.

* * *

– Ну и что ты на это скажешь? – обратился я к Щербакову.

Тот растерянно пожал плечами.

– Может, у него эмоциональный шок? Я ему снотворного лошадиную дозу вкатил. Сон – лучшее лекарство. Проспится, может, очухается.

– Ты это уже говорил.

– Ну, так говорю еще раз, что из этого? – сердито отозвался Щербаков. – Я не специалист по мозгам. В смысле психических расстройств. Я свое дело сделал, претензии есть?

Я покачал головой.

– То-то же. Вопрос свой Крутикову завтра задай, он таких клиентов любит, вцепится в твоего приятеля руками и ногами. А я сейчас собираюсь отправиться, наконец, домой. Меня дети скоро узнавать перестанут. Так что отвяжись, сделай милость.

– Да, пожалуйста, – я обиженно передернул плечами, взглянул последний раз на мирно посапывающего Мишку и поспешил к своим язвенникам.

Незадолго до окончания смены я набрался смелости и позвонил Марине на работу.

– Антипову Марину Петровну, пожалуйста.

– Кто спрашивает? – потребовали от меня вежливо, но настойчиво.

Скрепя сердце, я назвал. Теперь точно не подойдет, мелькнула подлая мыслишка. Попросит передать, что занята или вышла.

Однако через несколько минут в трубке раздалось шуршание и негромкий голос произнес:

– Алло?

Сердце мое учащенно забилося. Я соскучился, прости меня, идиота, захотелось мне крикнуть во весь голос, но я благополучно проглотил вертевшиеся на языке слова и выдохнул:

– Здравствуй, Марина.

– И ты здравствуй, – донеслось в ответ насмешливое. – По делу или как? Извини, у меня занятия.

Марина преподавала в школе МВД.

– По делу, – нерешительно признался я.

Последовало короткое молчание. Рука моя, державшая трубку, вспотела.

– Выкладывай, – услышал я наконец, – только постарайся побыстрее.

Один рубеж пройден, мне позволено высказаться. Я вздохнул с облегчением и уже смелее продолжил:

– Телефонным разговором тут не обойдешься. Надо бы встретиться. Как ты смотришь, если я подъеду чуть попозже?

Марина снова выдержала паузу, на этот раз чуть более продолжительную. Я затаил дыхание.

– Чуть попозже меня здесь уже не будет. – Она помолчала, давая мне возможность помучиться вдоволь, и добавила: – Я на колесах. Ты же в два заканчиваешь? Давай я сама подъеду. К двум, наверное, не успею, но...

– Я, разумеется, подожду, – торопливо перебил я, опасаясь, что она передумает. Помялся и выдал. – Спасибо.

– Пожалуйста, – усмехнулась Марина. – До встречи.

– До встречи, до встречи, – возбужденно пробормотал я в трубку, но услышал в ответ только короткие гудки.

Глава 3

Спешить было некуда, но все же, сгорая от нетерпения, ровно в два я вылетел из здания клиники и торопливым шагом направился к воротам.

– Спешите куда-то, Владимир Сергеевич, – остановил меня на пропускном пункте угрюмый охранник. – Пропуск, пожалуйста.

– Вы, ребята, от безделья совсем обнаглели, – возмутился я, но пропуск все-таки вынул.

Охранник изучал пропуск добрую минуту, которая для меня растянулась в вечность. Наконец он вернул документ со словами:

– Фотокарточку сменить пора. Истрепалась совсем.

– Лапать меньше надо, – пробурчал я, засовывая пропуск в карман.

Детина насупился, не сразу найдя что ответить, затем важно произнес:

– Сигнал был.

– Ага, а еще видение. И голоса слышались. Ты бы заглянул как-нибудь к нам, – я мотнул головой в сторону больничных корпусов. – Разве вам профосмотр не положен?

Широкая физиономия охранника побагровела. Не дожидаясь ответа, я поспешил выйти на улицу.

Марины, конечно, еще не было. Появилась она только через полчаса, в течение которых я развлекал себя тем, что раскланивался со всеми входящими и выходящими коллегами, а также поддразнивал охранника, неспешно прогуливаясь назад и вперед перед выходом.

Появление Марины я не заметил, а скорее почувствовал. Оборвал на полуслове треп со знакомым хирургом и, вытянув шею, будто данное действие могло помочь видеть дальше и лучше, сосредоточил внимание на въезде в переулок.

– Что, извини? – рассеянно переспросил я, не расслышав вопроса, полностью поглощенный созерцанием показавшихся из-за поворота «Жигулей».

– Погода, говорю, хорошая, – рассмеялся хирург, всматриваясь в хрупкую фигурку за рулем подъехавшей машины. – А ничего курочка!

– Сам ты... тетерев, – обиделся я за Марину. – Топай давай, костолом.

– Не костолом, а костоправ, – хирург беззлобно ухмыльнулся, хлопнул меня по плечу. – Ладно, бывай!

Борясь с желанием перейти на рысь, я неторопливо направился к «Жигулям».

– Здравствуй, Мариночка, – начал я заплетаящимся от волнения языком.

– Здоровались уже, – деловито отозвалась Марина. – Если домой, то могу подбросить. А ты пока выкладывай свое дело.

Не могу сказать, что такое начало меня слишком обрадовало, но, по крайней мере, вернуло из мира грез на грешную землю.

– Да дело, собственно, с точки зрения специалиста, на грошик. Но для меня очень важное и срочное. – Я осторожно вынул жалкие остатки Мишкиной записки. – Приятель один телефон дал, а с ним вот несчастье приключилось.

– С приятелем или с телефоном?

– Напрасно иронизируешь, хотя попала в самую точку. Несчастье приключилось с обоими.

– А я чем могу?

– Так я и говорю, номер бы прочесть. Это возможно?

– Всего-то? – Марина глянула на меня с подозрением, остановила машину и взглянула на записку. – Попробовать, в принципе, можно...

– Но... – машинально продолжил я.

– Вот именно, но... Скажи честно, опять в какую-нибудь авантюру впутался?

– Пока нет, – чистосердечно ответил я. Едва ли историю с Мишкой можно было назвать авантюрой. Слово это навевало мысли о веселых приключениях, риске без прямой опасности для жизни и иных забавах, поэтому едва ли подходило для данной ситуации. Кроме того, сам я ни во что не впутывался, просто так сложились обстоятельства – оказался в нужное время в нужном месте.

– Только не надо валить все на обстоятельства, я тебя умоляю!

Я невольно почувствовал холодок в груди. Черт возьми, уж не читает ли она мысли? Марина в это мгновение аккуратно укладывала постиранный листочек между страницами записной книжки. Бросив на меня взгляд, она, очевидно, уловила несколько испуганное выражение моего лица, потому что рассмеялась и произнесла:

– Не волнуйся, мысли читать не умею. Просто я достаточно хорошо тебя изучила.

Я натянуто улыбнулся.

– Когда я смогу узнать результаты?

– Попробуй позвонить вечером, только не очень рано.

Остаток дня я отсыпался, ужинал и маялся ожиданием.

Час икс, то есть время, когда уже вечер, но еще «не очень рано», я установил на девять часов. За минуту до назначенного мною же срока я уже стоял около телефона-автомата и даже успел на всякий случай убедиться, что он находится в рабочем состоянии. Упиваясь тайным самоистязанием, добросовестно проследил, пока секундная стрелка не совершит последний оборот, и только тогда набрал номер.

Марины дома еще не было.

Чертыхнувшись, я побродил вокруг, посидел на скамеечке, поговорил о политике с интеллигентным, музейного вида старичком в самом настоящем пенсне и с тростью в руках. Чтобы как-то убить время, сбегал в киоск за бутылкой минеральной воды и снял трубку еще раз.

– Да.

Голос Марины звучал устало. Волна нежности тут же накатила на меня, захлестнула и навееяла грезы о чудном тихом вечере с цветами, музыкой и шампанским.

– Мариночка, – заворковал я в трубку, явственно ощущая запах нежной кожи Марины, – это я. Может быть...

– А-а, это ты, – довольно бесцеремонно перебила она, – ручку, надеюсь, взял? Записывай телефон своего, м-м-м, приятеля.

Последнее слово она произнесла с особенным сарказмом. Волна нежности немедленно откатилась на прежние позиции. Да-а, для любви непременно нужна взаимность, с горечью подумал я, зажимая под мышкой бутылку с минералкой и вынимая блокнот и ручку. Никогда мне не понять тех, кто твердит о безответной любви.

Марина продиктовала номер.

– Вместо «тройки» может быть «шестерка», точно сказать не могу.

– Разберусь, – пообещал я, – подумаешь, вместо одного номера наберу два.

Марина между тем помолчала и глухо добавила:

– Катя.

– Что «Катя»? – не понял я.

– Черт возьми, Ладыгин! – процедила она зло. – Ты что, издеваешься? Или имя своего «приятеля» запомнил?

Она бросила трубку. Бросила буквально, судя по грохоту, который на мгновение упредил короткие гудки.

Ну и пожалуйста! Нет, вы только подумайте, она ревнует! Кто она мне – жена? Я сжал зубы и с силой опустил трубку на рычаг. Злость моя улетучилась вместе с эбонитовым хрустом. Некоторое время я бессмысленно таращился на бесполезную теперь половинку трубки,

украшенную разноцветными тонкими проводками, воровато оглянулся и отправился искать другой автомат.

По номеру с цифрой «три» никто не отозвался. Немного поколебавшись, – может, люди уже спят, – я все-таки набрал номер еще раз, заменив «тройку» на «шестерку».

– Я слушаю, – раздался глубокий, волнующий голос.

То ли контраст был такой разительный, то ли этот голос действительно имел над слушателями какую-то необъяснимую власть, но с первого же мгновения он полностью и безвозвратно завладел всем моим существом. Его хотелось слушать снова и снова. Он манил, обещал райские наслаждения, сладкие муки и исполнение самых заветных желаний.

– Э-эй! Я слушаю. Там есть кто-нибудь?

– А-а-а... Здравствуйте... Добрый вечер... – мысли мои путались, и я никак не мог сообщить, зачем, собственно, звоню, – Катю я могу услышать?

– Я – Катя.

Девушка мелодично рассмеялась. Как будто черный жемчуг рассыпался по стеклу. Откровенно говоря, черный жемчуг я видел только на витрине, да на толстых шеях некоторых посетительниц. Но мне почему-то подумалось, что звучать он должен именно так.

– Алло! Вы здесь?

– Да, извините, – я наконец взял себя в руки, – Колесов Михаил дал мне ваш телефон...

– Кто?!

Останься у меня в этот момент хоть капля здравого смысла, я бы, несомненно, услышал страх, скорее даже панический ужас, прозвучавший в голосе девушки. Но я, к сожалению, был слишком занят общим, чтобы обращать внимание на частности. Поэтому мимолетное впечатление, что Катя чего-то испугалась, я немедленно отверг как абсурдное и тут же выбросил из головы, даже не успев как следует сформулировать его в более или менее четкую мысль.

– Колесов Михаил Александрович, мой приятель дал мне ваш телефон, – повторил я чуть погромче, простодушно решив, что девушке, должно быть, плохо меня слышно. – Он сказал, что через вас с ним можно связаться.

– Ах, вот как... И давно вы его видели?

Как ни был я очарован невидимой собеседницей, но от правдивого ответа меня все-таки что-то удержало. Вероятно, сработала старая добрая привычка врать при первом удобном случае и почти по любому поводу.

Не то чтобы я был патологическим лгуном, совсем напротив. Я всегда предпочитал говорить правду в глаза, обычно именно так и поступал. Но иногда почему-то оказывался не в состоянии удержаться и чуть-чуть не приврать. Делал это, кстати, очень даже мастерски.

Вот и сейчас возникла именно такая ситуация. Как-то само собою получилось так, что я открыл рот и довольно беззаботно произнес:

– Точно не могу сказать, но что-то около трех недель назад.

– О! – Катя снова рассмеялась, чем привела меня в неописуемый щенячий восторг. – Так вы многое пропустили!

– Что именно?

– Михаила нет сейчас в городе. Во всяком случае не должно быть. Дело в том, что он взял отпуск и уехал отдыхать. К сожалению, не знаю, куда именно, – упредила она мой следующий вопрос, – сказал только, что уезжает надолго, месяца на два.

Вот, значит, как. Взял отпуск и скрылся в неизвестном направлении, где нажил себе кучу неприятностей. При этом всем объявил, что уезжает. Интересно, почему? Чтобы лишних вопросов не задавали? Или и вправду уехал, но затем вернулся и уже потом нарвался на неприятности?

Хотя, с трудом могу себе представить, чтобы неутомимый Мишка мог торчать где-то на отдыхе целых два месяца. Это должно быть очень интересное место. Странно.

Очевидно, последнее слово я нечаянно произнес вслух, потому что Катя спросила:

– Что странно?

– Странно, что мне он ничего об этом не сказал. Видите ли, мы договаривались с ним встретиться.

– Может, он не смог с вами связаться? Как, кстати, вас зовут?

Какой же я осел! Надо же, так заслушался волшебным голоском сирены, что забыл представиться.

– Ради бога извините, Катя. Меня зовут Владимир. Ладыгин Владимир.

– Ладыгин? Пойдите, ну как же, все правильно! Миша перед отъездом говорил мне о вас. Сокрушался, что не смог предупредить. Вы ведь долго не виделись, правильно?

– Да, верно.

Каждое слово в устах этой сирены звучало так естественно и убедительно, что я ни на миг не усомнился в ее искренности.

– Что ж, очень жаль, что не смогла вам помочь, – сказала Катя.

Как же это, обожгла меня внезапная мысль, значит, теперь мы скажем друг другу «до свидания» и... Ну уж нет! Я обязательно должен ее увидеть.

– Катя?

– Да, Володя?

– Я могу вас куда-нибудь пригласить? – без особой надежды выпалил я, не успев, точнее, не сумев придумать ничего более оригинального.

Согласилась она, к моему великому удивлению, легко и быстро, словно ожидала этого вопроса и заранее продумала и подготовила ответ.

– Почему бы и нет? С удовольствием. Знаете, только сегодня думала, что неплохо бы наконец куда-нибудь выбраться. Пойдемте в кафе? Есть тут одно маленькое, но очень уютное заведение. Вы на машине?

– Н-нет... – растерялся я.

Только теперь меня посетил вопрос, во сколько же могут вылиться ухаживания за этим сокровищем. Зарабатывал я для врача неплохо, но дорогих ресторанов позволить себе не мог. Едва ли всей моей месячной зарплаты хватило бы больше, чем на один ужин, если устраивать его по полной программе. Тем более я не мог позволить себе машину. Нормальную машину, разумеется. На полуразвалившийся весьма подержанный драндулет денег у меня, пожалуй, хватило бы, да что в нем проку? Хотя, возможно, когда-нибудь я именно такой конструктор «Сделай сам» и приобрету, чтобы успокаивать расшатанные нервы непрерывной сборкой и разборкой поношенных механизмов.

– Вот и хорошо, – вопреки моим ожиданиям обрадовалась Катя, – машина так привязывает. Когда вы завтра освобождаетесь?

– В четырнадцать ноль-ноль свободен как ветер, – сообщил я, приободренный ее словами.

– К сожалению, о себе сказать этого не могу, – проронила она с некоторой печалью, оставив мне самому додумывать, о чем, собственно, она сожалеет: о нехватке времени или ограничении свободы. – Скажем, в восемь вас устроит?

– Вполне.

– В таком случае, в восемь я жду вас... – она назвала место в пятнадцати минутах ходьбы от клиники. – До встречи, Володя.

– До встречи, – пробормотал я, вконец ошеломленный.

Домой я не шел, а летел. Ноги мои парили в сантиметре от земли. Наверное, задайся я целью, вполне мог бы сейчас пересечь, шагая прямо по воде, средней ширины реку, если бы не было большой волны, конечно.

От волнения у меня разыгрался аппетит. Я что-то пожевал, посмотрел какой-то фильм, сюжет которого уловить так и не сумел, перевернул весь свой гардероб, придирчиво отбирая

каждую вещь, которую собирался надеть на завтрашнее свидание. Потом долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок, рисуя в своем воображении Катины портреты, один прекраснее другого.

На следующее утро я проснулся совершенно разбитый. Зато голова моя прояснилась. Очарование Катиного голоса исчезло вместе с остатками сна, что меня несколько не огорчило. Я даже не смог вспомнить, как звучал этот голос.

Надо же, размышлял я, вяло водя бритвой по щеками и критически рассматривая в зеркале похмельно-красные глаза и слегка помятую физиономию. Я, конечно, человек влюбчивый, с этим не поспоришь. Но чтобы так...

И на фиг сдалась мне какая-то неизвестная Катя, которую я даже в глаза ни разу не видел? Может, она уродина и дура набитая. И кроме приятного голоса никаких других милостей природы ей не перепало. С чего бы иначе она в меня так вцепилась?

Я вспомнил свои ночные фантазии и густо покраснел. Тьфу ты, наваждение какое-то!

Ни на какое свидание я уже не собирался. Сегодня у меня по расписанию спортзал, это раз. Кроме того, надо попытаться разыскать кого-нибудь из бывших однокурсников, кто мог бы сказать что-нибудь вразумительное о Мишке Колесове, его знакомых и образе жизни в последнее время. Это два.

Вспомнив о Мишке, я почувствовал укол совести. Собирался ведь позвонить вечером в клинику, чтобы поинтересоваться его состоянием, да совсем из головы вылетело.

Мысль о завтраке вызвала у меня легкий приступ тошноты. Пришлось с негодованием эту мысль отвергнуть и ограничиться чашкой крепкого кофе.

В метро мне удалось немного вздремнуть, после чего я почувствовал себя значительно лучше и порог клиники переступил полным сил и готовым к подвигам. Совершения подвигов от меня, правда, никто не ждал, а жаль. Утешив себя мыслью, что работа врача уже сама по себе один непрерывный подвиг, я тут же мужественно назначил очистительную клизму одному вредному старичку, стоически выслушал его угрозы пожаловаться начальству на такое безобразно-унизительное отношение к целому генералу, хотя и в отставке, после чего терпеливо провел получасовую лекцию о благотворном влиянии клизмы на организм и невозможности проведения обследования кишечника без вышеозначенной процедуры.

Вываться в реанимацию удалось только часам к одиннадцати. Мишка сидел на кровати в той же позе, в которой я увидел его вчера. Только в глазах его теперь кроме настороженности отражался еще и страх. Страх зверя, загнанного в угол. Силенок у него за прошедшие сутки значительно прибавилось, а вот с мозгами дело обстояло, кажется, по-прежнему.

Мысленно чертыхнувшись, я помчался в психиатрическое отделение. Крутиков увлеченно беседовал в коридоре с высокой стройной девушкой в цветастом шелковом халатике. Заметив меня, он приветственно кивнул и заулыбался.

– Владимир Николаевич, – не останавливаясь, я подхватил Крутикова под руку, мимоходом бросив девушке короткое «извините», – дело есть.

– Владимир Сергеевич, – послышалось за спиной смущенное, – здравствуйте.

Я удивленно оглянулся.

– Не узнаете меня? Я Шатова Валерия.

– Лера? – я перевел изумленный взгляд с цветущего лица девушки на Крутикова. – Да вы, доктор, просто волшебник!

– Ну уж, – зарделся тезка, – никакого волшебства, я просто профессионал.

– Слушай, профессионал...

– Извините, Владимир Сергеевич, что отвлекаю, – Лера робко помялась. Я укротил свое нетерпение и ободряюще улыбнулся. – Я только хотела спросить о том человеке, которого мы... то есть вы выбрали тогда, на дороге. Как он?

«Подобрали», пожалуй, очень точное слово, усмехнулся я про себя.

– Пока сложно сказать. К сожалению.

– А можно... можно мне навестить его как-нибудь? – щеки Леры зарделись.

– Это уж как доктор скажет, – я незаметно ткнул Крутикова в бок.

– Думаю, дня через три мы вполне можем вернуться к этому разговору, – важно произнес тезка. – А сейчас, милая девушка, вам пора отдыхать.

– Как скажете, доктор, – Лера благодарно улыбнулась. – До свидания, Владимир Сергеевич.

– Всего доброго.

Я проводил стройную фигурку восхищенным взглядом. Крутиков требовательно дернул меня за рукав.

– Кого это вы подобрали?

– С этим я к тебе и пришел. Пойдем, посмотришь взглядом профессионала.

По пути я рассказал тезке историю Мишкиного появления в нашей клинике и те немногочисленные подробности его биографии, которые мне удалось вспомнить.

– Психически неуравновешенные, душевнобольные в роду были? – озабоченно поинтересовался Крутиков, стараясь не отставать от моего размашистого шага и быстро перебирая короткими ногами.

– У кого? У меня? Вроде нет...

Крутиков весело сощурился, махнул пухлой рукой.

– Твои родственные связи меня пока не интересуют. У друга твоего бабушки, дедушки душевными болезнями страдали?

– Я-то откуда знаю? Ты бы еще спросил, до какого возраста он в постель писался, – возмутился я.

– Этого, полагаю, он и сам не помнит, – заметил тезка, остановился, отдуваясь. – Ты помедленнее передвигаться можешь? Отрастил ноги, понимаешь...

Я сбавил темп, назидательно сказал:

– Спортом, брат, заниматься надо. Очень рекомендую. А что касается моего приятеля, так он на данный момент, боюсь, вообще ничего не помнит.

– Ну, это мы еще посмотрим. Вперед! – подстегиваемый профессиональным зудом, тезка засеменил по коридору с удвоенной энергией.

В палате, разом поприветствовав всех находившихся там сотрудников, Крутиков более ни на что постороннее не отвлекался, а целиком и полностью углубился в изучение объекта. Меня он игнорировал вообще, потому как вытряс всю интересующую информацию еще на пути в реанимационное отделение.

Благодаря маленькому росту Крутиков оказался почти вровень с сидящим на кровати объектом, то есть Мишкой. Жестом отвергнув ненужный стул, он оттягивал Мишкины веки, ощупывал его заросший густыми курчавыми волосами угловатый череп, проделывал перед носом объекта какие-то пассы и совершал еще массу любопытных вещей, успевая между делом задавать вопросы о результатах анализов пациента, состоянии его костей и мягких тканей, дозах и способах введения препаратов. Поглощенный своим занятием, Крутиков не трудился обращаться к собеседнику по имени-отчеству, а просто формулировал вопрос и наставлял пухлый палец на человека, от которого ожидал услышать исчерпывающий ответ.

При этом никому в голову не приходило обижаться или вставать в позу, потому как все понимали – Владимир Николаевич работает. Кроме того, все присутствующие испытывали тщательно скрываемое, но явственно витавшее в воздухе облегчение от того, что нашелся кто-то, кто взял наконец на себя ответственность по решению медицинской головоломки под условным названием «Мишка Колесов».

Я же, не востребованный, продолжал упорно топтаться в сторонке, со все возрастающим любопытством наблюдая за происходящим в палате.

Наконец специалист по мозгам, как любил выражаться Щербаков, приостановил свою бурную деятельность, оглядел присутствующих и удивленно поинтересовался:

– Почему в палате больного так много народа? Работаем, господа-коллеги, работаем!

Пересмеиваясь, мы потянулись в коридор, откуда постепенно разбрелись по своим рабочим местам.

– Во как! – уважительно произнес Щербаков, оглядываясь на палату. – Будь здесь сам главный, он бы и его выставил и даже не заметил. Денек-другой у нас еще прокантуется, а там, глядишь, Колобок его к себе заберет.

– Как пить дать, – согласился я, вместе со всеми радуясь тому, что Мишка оказался наконец в нужных руках. – Сегодня же перевести попытается.

– Сегодня не выйдет, – с недовольной гримасой возразил Щербаков, – наш вклад в оздоровление пациента еще не закончен. Сутки еще как минимум понаблюдать надо. Во избежание.

Я потоптался еще немного под дверью в палату, потом пришел к выводу, что от Колобка-Крутикова сейчас все равно ничего не добьешься, и тоже ушел.

* * *

Прозвище Колобок прилипло к Владимиру Николаевичу Крутикову с первых же дней его работы в седьмой спецбольнице, чаще именуемой и сотрудниками, и большинством больных коротким словом «клиника».

Прозвище Крутикова ничуть не задевало, потому что, во-первых, человеком он был необидчивым, а во-вторых, слышал это самое прозвище с глубокого детства. При росте 159 сантиметров телосложения он был плотного и весил под семьдесят килограммов. При этом никому в голову не приходило называть Крутикова «толстым», «жирным» или «коротышкой». Вес его равномерно распределялся по всем частям тела, нигде ничего не висело, не выпирало и не колыхалось.

Двигался же энергичный Володя Крутиков без суеты, но всегда быстро, даже стремительно. Говорил он обычно быстро, вечно куда-то спешил, но не потому, что опаздывал, а оттого, что его стремительная натура постоянно требовала движения, бурной деятельности. Поэтому еще в детстве, быстро и уверенно переступая короткими ногами, он нередко слышал за спиной:

– Колобок, колобок, куда катишься?

С возрастом называть Крутикова Колобком в глаза стали все реже и реже. Возражать против такого прозвища он не возражал, но окружающие любили и уважали его за ум, оптимизм и веселый, легкий нрав. А так как Колобок звучало хотя и ласково, но все-таки несколько унижительно, звали его обычно Вовой, Володей или Вовкой. Недругов же, тем более врагов Крутиков отродясь не имел и унижать его целенаправленно, с умыслом было некому.

Учился Володя неизменно хорошо, но особую склонность имел к так называемым гуманитарным предметам, отлично разбирался в биологии, помогал одноклассникам писать сочинения и ловко импровизировал, подсказывая маящему у классной доски, где расположен на карте город такой-то или когда, где и почему произошло то или иное историческое событие. Хитроумные и без тени фиглярства подсказки Крутикова обычно вызывали такой бурный восторг у одноклассников и неудержимый смех у учителей, что невыучивший урок частенько счастливо избегал двойки, а сам Колобок получал очередную хорошую отметку за знания и изобретательность.

Между тем никто и не догадывался, что веселый нрав и неизменно дружеское расположение Крутикова к окружающим были не столько природным даром, сколько результатом постоянной, ежедневной и кропотливой работы над собой.

Колобок много и с увлечением читал, особенно же он интересовался вопросами психологии и социологии. Интерес его к данным наукам был отнюдь не праздным. С помощью почерпнутых из многочисленных книг, журнальных публикаций и статей в специальной литературе знаний Колобок усиленно боролся со своими комплексами и недостатками. По правде говоря, серьезный комплекс у Крутикова был только один – он жутко стеснялся своего маленького роста.

Благополучно разделавшись с «комплексом коротышки», как он сам формулировал свою проблему, к моменту окончания средней школы Крутиков обнаружил, что попутно решил еще один важный жизненный вопрос, а именно – избежал мучительных размышлений на тему «Куда пойти учиться». Интерес Колобка к психологии и психотерапии с решением личных проблем не угас, родители же спали и видели свое ненаглядное чадо в белоснежном халате, с докторской крахмальной шапочкой на голове и фонендоскопом, традиционно болтающимся на шее. Вот и отправился Володя в медицинский, рассудив, что быть психиатром не менее интересно, чем психологом.

Изучение основ психологии все же не прошло для Крутикова даром и выразилось в стойком неприятии официального и общепринятого на тот момент категоричного медикаментозного способа лечения всех специфических болезней и «отклонений от нормы» – начиная от излишней нервозности и переутомления и заканчивая шизофреническими и иными расстройствами. Нет, Крутиков, разумеется, знал и понимал необходимость и эффективность применения лекарственных препаратов. Но также он был твердо убежден, что применять их следует дозированно и только в крайних случаях. Так как считал, что слово, умело и вовремя сказанное, равно как и выслушанное, может принести больному зачастую гораздо большую пользу, чем самое «крутое» лекарство.

За эту свою убежденность Крутиков неоднократно получал крепкие нагоняи и даже предупреждения и выговоры от начальства, которые, впрочем, с лихвой компенсировали признательность и благодарность целой армии пациентов. Но было это давно, в самом начале деятельности Колобка на поприще психиатрии и психотерапии.

Когда точка зрения отечественной медицины в данном вопросе резко поменялась на противоположную, неожиданно выяснилось, что коллеги Крутикова самое главное свое оружие в борьбе с болезнями, а именно слово, использовать не умеют, молодой доктор Колобок-Крутиков быстро перешел из разряда «попов» и «отщепенцев» в разряд «перспективных», что дало ему возможность получить не только сатисфакцию у коллег, но и неплохо оплачиваемое место в психиатрическом отделении седьмой спецбольницы.

Надо сказать, сам Колобок крутые перемены в отечественной медицине и собственной жизни воспринял с чувством должного удовлетворения, но со свойственным ему хладнокровием, основную же радость вызывал у него тот факт, что стало «легче дышать» и проще претворять в жизнь свои идеи и проекты.

Одно обстоятельство, правда, не давало ему покоя. «Комплекс коротышки», борьба с которым была, казалось бы, столь успешно завершена еще несколько лет назад, никуда не исчез, а проявился снова, переродившись в серьезные проблемы невысокого человека в отношениях с противоположным полом.

Можно было, конечно, задаться целью найти себе милую и добрую пару «по росту», на чем и успокоиться. Колобок, однако, в душе остался неисправимым романтиком и идеалистом, тайно мечтающим о высокой и чистой любви. А женщин до поры до времени доктор разделил на три неравные категории. В категорию побольше входили женщины-друзья и женщины-единомышленники, в общении с которыми Колобок получал духовное удовлетворение. Самую маленькую категорию составляли те особы женского пола, которые регулярно и успешно помогали доктору реализовать сексуальные потребности. А третья, наиболее обширная часть взрослого женского населения состояла из лиц под условными названиями «без слез не взглянешь»,

«не по Сеньке шапка», «еще не определился» и «остальные» или «неприкасаемые», то есть пациентки, коллеги, жены друзей и прочие особы.

Сейчас Колобок временно отставил в сторону решение вечного для себя вопроса «с кем быть», потому как полностью углубился в изучение нового любопытного пациента, по-дружески подкинутого ему Ладыгиным. Пациент был особенно любопытен Колобку еще и потому, что с подобным феноменом «специалисту по мозгам» уже приходилось сталкиваться и интересовал он доктора чрезвычайно сильно.

Глава 4

Меня били. Били щадяще, не на «все сто», но неумолимо и со знанием дела. А потому очень чувствительно, чтобы урок усвоился хорошо и надолго. Били меня на ринге, а делал это старый друг и соратник по боксу, а ныне тренер Саня Малышев. Я уже не пытался сопротивляться, а лишь прикрывал голову и ребра и глухо охал и постанывал, когда очередной хорошо поставленный удар достигал цели, то есть меня.

– Ну что, кулек, достаточно или еще добавить?

Не веря своему счастью, я осторожно приподнял голову и выглянул из-за перчатки одним глазом. Саня, даже не запыхавшись, легко прыгал по рингу, продолжая наносить сокрушительные удары, но уже в воздух на безопасном расстоянии от меня.

«Кульками» он пренебрежительно называл всех, кто неуклюже двигался, безалаберно относился к тренировкам и режиму, в общем, ленился душой и телом, зазнавался и требовал «хорошей науки».

Разбитые губы шевелиться не желали, к тому же мешала «челюсть», поэтому я просто усиленно закивал и жалобно шмыгнул припухшим носом. Но Саню такой ответ не устроил. Продолжая биться с моим фантомом, он приблизился и очередной коронный удар нанес все еще в воздух, но уже в опасной близости от меня живого. Или полуживого, это как сказать.

– Не слышу, кулек?

Я выплюнул «челюсть», выпрямился, в душе надеясь, что смог сделать это с достоинством, и просипел:

– Дофгатошно...

Саня остановился, довольно хмыкнул и пританцовывающей походкой двинулся к канатам, бросив на ходу:

– Урок окончен. Можешь идти в душ.

В душ идти я не мог еще несколько минут, в течение которых сидел прямо на полу, привалившись спиной к стене, пытался восстановить дыхание и равнодушно поглядывал на разбредавших по залу Саниных учеников.

– Вам помочь? – участливо поинтересовался один из ребят, с сочувствием и любопытством рассматривая мою разукрашенную физиономию.

Ну уж нет, только этого не хватало! Чтобы какой-то сопляк... Я посмотрел на него с нарастающей яростью, но тут же осекся, вовремя вспомнив только что преподанный мне урок, целью которого было избавить меня от непосильного груза чрезмерного самомнения и спешивости.

Я благодарно улыбнулся участливому пареньку, отчего из разбитой губы опять начала сочиться кровь, и небрежно поинтересовался:

– Пластырь есть?

Минут через сорок, обильно украшенный кусочками пластыря, как выдавший виды чемодан дорожными наклейками, я уже слонялся по просторному вестибюлю спорткомплекса в ожидании Сани Малышева, чтобы вне пределов спортивного зала высказать ему все, что думаю о его садистских методах воспитания и о нем самом. А заодно чтобы с комфортом доехать на Саниной «девятке» до станции метро.

– Я позвоню, дядя Слава?

Какой-то паренек, получив благословение пожилого вахтера, прошел за стеклянную перегородку и принялся терроризировать допотопный телефон.

Надо бы и мне позвонить, пока телефон под рукой, неуверенно подумал я, вспомнив о Кате и о назначенном на сегодня свидании. А то нехорошо получается – сам напросился, а потом взял и не пришел. Листок с номером Катиного телефона я, злой и невыспавшийся этим

утром, оставил дома. Но сочетание цифр было таким легким для запоминания, что номер легко всплыл в памяти по первому требованию.

Паренек давно уже закончил разговор и вышел на улицу, а я все еще терзался сомнениями. Звонить или не стоит? Катиного голоса вспомнить я так и не смог, но эффект, им произведенный, был неизгладим.

Ладно, позвоню, быстро скажу, что не получается встретиться, и положу трубку. Я испросил разрешения дяди Славы на звонок и взялся за телефон с чувством смутной тревоги и еще более смутной надежды, что девушки не окажется дома или она сообщит, что раздумала встречаться со мной.

Трубку подняли после третьего гудка.

– Да? – услышал я знакомый голос, и заготовленные слова тут же вылетели из головы.

– Здравствуйте, Катя. Это Владимир, я звонил вам вчера, – начал я издали, соображая, как бы потактичнее сообщить о перемене планов. – Понимаете, тут такая ситуация...

– Володенька! Как я рада, что вы позвонили! Мои планы несколько изменились, – при этих словах сердце мое слабо екнуло, но тут же застучало как бешеное, потому что продолжение фразы оказалось совсем не таким, как я ожидал услышать, – я закончила дела еще час назад и все это время просидела около телефона в надежде, что вы позвоните. Вы ведь уже свободны, не так ли?

– Д-да, – выдавил я, чувствуя, как вчерашний водоворот подхватывает меня снова и стремительно увлекает куда-то вниз. В бездну. Падение неожиданно оказалось таким сладким, захватывающим и дразнящим, что я не предпринял ни малейшей попытки сопротивляться.

– Скажите, где вы находитесь. Я за вами заеду. Мне не терпится с вами встретиться.

Я ощутил легкое головокружение.

– Так откуда вы звоните? – продолжал обволакивать меня голос сирены.

– Из спортивного комплекса... На Щелковской, – запинаясь, я попытался объяснить, как лучше добраться до спорткомплекса на машине.

– Далеко забрались, – весело сказала Катя, – но я вас найду, не сомневайтесь. Ждите, скоро буду.

Прозвучало это как угроза.

Я положил трубку, рассеянно поблагодарил дядю Славу и обреченно поплелся на выход. Мне не хватало воздуха.

– А, вот ты где, – Саня сбежал по ступенькам, направился к машине, бросив лукавый взгляд в мою сторону. – Едешь или?..

– Или.

– Уверен? – искренне удивился Малышев. – Я думал, меня ждешь.

Лучше бы это было так, мрачно подумал я, поднимая руку в прощальном жесте.

– Как знаешь. К следующей тренировке советую выспаться и отдохнуть как следует. Бывай!

– Угу.

С затаенной тоской я проводил глазами быстро удаляющуюся «девятку» и уютно устроился на травяной лужайке, приготовившись к долгому ожиданию.

Пусть все будет, как будет. Дождусь эту телефонную чаровницу, дам ей взглянуть на себя повнимательнее. Вряд ли наше знакомство продлится дольше получаса. Особенно учитывая мою залепленную пластырем физиономию и пустые карманы. В бумажнике уныло позвякивала мелочь, но ее могло хватить разве что на две порции сливочного мороженого.

Не обращая внимания на снующую мимо спортивную публику, я незаметно задремал, убаюканный шелестом тополиных листьев и щебетанием вездесущих воробьев. Мне снилось болотистое озерцо, а в нем – глубокий черный омут, в который меня затягивало все глубже и

глубже. Мимо проплывали пучеглазые рыбы, сизые утопленники и русалки с зелеными волосами. Одна из русалок коснулась плавником моей щеки, отчего мне стало зябко и щекотно.

Я проснулся, почесал щеку и наткнулся на чьи-то узкие длинные пальчики, нежно поглаживающие свеженалепленную полоску пластыря. Я подумал и решился открыть глаза.

В нескольких травинках от моего носа расположилось стройное женское бедро, обтянутое плотным серебристым шелком. А вот и русалка собственной персоной. Я усмехнулся.

– Хороший сон?

Черные глаза смотрели на меня ласково и чуть иронично. Глаза напоминали продублированную уменьшенную копию омута из сна. Вот только в глубину меня больше не тянуло. Я уже был там, а ноги мои прочно завязли в густом иле. Я глянул сквозь толщу темной воды на склонившееся надо мной очаровательное лицо и задал себе резонный вопрос: а точно ли я проснулся?

– Здравствуйте, Володя.

Лицо молодой женщины обрамляли густые темно-каштановые, почти черные волосы, выдававшие примесь то ли восточной, то ли цыганской крови. Губы ее, подкрашенные вишневой помадой, были пухлыми и красиво очерченными, а кожа золотисто-персикового цвета казалась слегка бледной в сочетании с темными волосами.

– А как вы узнали, что я – это я? – Я неуклюже сел и принялся сосредоточенно разминать затекшую руку.

– Так здесь же больше никого нет, – Катя, а в том, что это была именно она, сомнений не возникало, весело рассмеялась. – К тому же, вы выглядите именно так, как я вас себе представляла.

Катя легко поднялась. Глядя на нее, я почувствовал еще один приступ головокружения. Моя русалка в отличие от зеленоволосых чешуйчатых красавиц из сна выглядела, как несколько необычная, но при этом очень удачная помесь вавилонской блудницы, непорочной девственницы и очаровательной ведьмочки из гоголевских рассказов.

Дав мне возможность вдоволь налюбоваться своими достоинствами, Катя произнесла с милой улыбкой:

– Так мы едем или остаемся? Откровенно говоря, я ужасно голодна. Впрочем, если хотите, можем устроить пикник прямо здесь.

Я сообразил, что все еще сижу на траве, и поспешно поднялся. К моему удивлению, мы оказались почти одного роста. Катя, правда, была в туфлях на высоком каблуке, но и мой рост считался гораздо выше среднего.

Я безропотно сделал шаг вслед за Катей, на мгновение вспомнил о пустом кошельке, но в следующую секунду мое внимание уже было полностью поглощено видом слегка покачивающихся упругих бедер. Пусть будет как будет, окончательно решил я и второй шаг сделал уже более уверенно.

Вскоре выяснилось, что идем мы к машине, которую Катя оставила на дороге. К спорт-комплексу она спустилась ножками. Этими прелестными, стройными, загорелыми ножками. Головокружение усилилось.

При нашем приближении передняя пассажирская дверца чуть приоткрылась. Из этого я сделал два вывода. Во-первых, нас трое. Во-вторых, это не частный извозчик и тем более не такси. Ни разу не видел извозчиков, открывающих пассажирам дверь.

Я нерешительно помялся.

– Что же вы стоите? Присаживайтесь, – изящным жестом «русалочка-ведьмочка» указала на заднюю дверцу.

С водителем Катя меня не познакомила. Более того, коротко стриженный мужчина, сидящий за рулем, даже не обернулся. Но, усаживаясь и пристраивая рядом сумку со спортивной формой, в зеркале заднего вида я случайно поймал его внимательный, изучающий взгляд.

Катя обменялась с водителем какими-то знаками, и мы тронулись.

– А Мишу вы давно знаете? – поинтересовалась Катя, устраиваясь на сиденье так, чтобы видеть одновременно меня, водителя и дорогу.

– С института. Учились вместе.

– Вы дружили? – спросила она почему-то в прошедшем времени.

– Дружили. И сейчас дружим.

– Вот как? – Катя посмотрела на меня испытующе. В глазах появился странный блеск. – По телефону вы сказали, что давно не виделись.

– Да, в последние годы мы видимся редко, – согласился я.

– Ах, вот оно что, – огоньки в глазах погасли.

На вопросы я отвечал машинально, не особенно вдумываясь в смысл произносимых Катей и мною слов. Мне не давал покоя вопрос: как бы потактичнее и без ущерба для собственного самолюбия намекнуть этой красотке, что сегодня похода в кафе не будет. Но заговаривать об этом при постороннем не хотелось. Я снова поймал в зеркале взгляд водителя, сделал ему «страшное лицо» и тут же мило улыбнулся Кате. Она незамедлительно вернула мне улыбку и сказала:

– Значит, вы врач.

– Откуда вы знаете? – изумился я.

Катя залилась своим необыкновенным смехом. Я жутко смутился и почувствовал, что покраснел, что привело меня в еще большее смущение.

– А, ну да... В смысле да. Врач.

– А какой именно? – с детской непосредственностью продолжала интересоваться Катя.

– Терапевт, – скромно сказал я, не без труда сообразив, что спрашивает она про специализацию.

– Болтуном вас не назовешь, – Катя прищурилась, в глазах опять заиграли огоньки.

Разговор не доставлял мне удовольствия. Сказать точнее, он был мне даже несколько неприятен, очень уж походил на допрос. Глазастый водитель приятного впечатления не прибавлял. Катя это, очевидно, почувствовала, потому что, спохватившись, обезоруживающе улыбнулась и сказала:

– Зато я вас, кажется, совсем заболтала. Послушаем музыку.

Она склонилась к полочке с аудиокассетами и начала перебирать записи. По ее лицу, продолжавшему сохранять дружески-приветливое выражение, невозможно было что-либо прочесть. Любуясь красиво очерченным профилем, я гадал, куда мы направляемся. Едва ли меня собираются просто подвезти домой, в этом случае спросили бы дорогу. Наверное, мы все-таки едем в кафе или другое значное место, где можно отдохнуть и хорошо поесть.

Между прочим, Колесова она называет Мишей. Может, их связывают более тесные отношения, нежели дружеские? Уж не с Катей ли спешил на свидание Мишка, когда мы с ним сцепились около цветочного прилавка? А девушка сейчас руководствуется здоровым побуждением загладить Мишкину оплошность и уделить символическую толику внимания внезапно позвонившему старому приятелю.

Эти размышления сделали основательный подкоп под неустойчивый песочный замок тайных надежд и привели меня в печальное расположение духа. Я немедленно принялся искать им опровержение. Из динамиков как нельзя более кстати полилась нежная музыка. Певец, имя которого я забывал столько же раз, сколько и слышал, проникновенно пел о любви. Делал он это на английском языке, но моих познаний вполне хватало, чтобы уловить общий смысл песни. Слова «I want» и «I love» знает, по-моему, каждая уважающая себя половозрелая особь.

Под этот аккомпанемент настроение мое улучшилось, я воспрял духом и быстренько водрузил песочный замок на место, укрепив его вескими аргументами. Во-первых, меня Катя называла Володей и даже – сердце мое нежно дрогнуло – Володенькой. А ведь мы были едва

знакомы. Во-вторых, водитель, скорее всего, и не думал на меня пялиться, а был занят тем, что обозревал дорогу. Разве не для этого предназначено зеркало заднего вида? А в-третьих, если Мишка и имел на Катю виды, то лично мне об этом ничего неизвестно, следовательно, нечего и мучиться попусту. Успокоив таким образом свою щепетильную в вопросах нравственности натуру, я окончательно избавился от неловкости, возникшей было во время «допроса», откинулся на сиденье, покрытое мягким плюшем, и погрузился в мечты.

Катя закурила длинную тонкую сигарету. Сам я не курю и в принципе не одобряю курения. Но запах хорошего табака мне нравится. Катина сигарета источала терпкий чистый аромат хорошего Табака с большой буквы. Так, окруженный дурманящим запахом табака, музыкой, навевающей фантазии, и самими фантазиями, по большей части эротического характера, я впал в мечтательное полузабытье и очень удивился, когда машина наконец остановилась.

За дорогой я не следил и сейчас с любопытством оглядывал незнакомую мне местность. Кажется, мы были где-то на окраине города.

– Приехали, – проворковала Катя и посмотрела на меня выжидающе.

Сообразив после секундной паузы, что девушка ждет от меня проявления хороших манер, я выскочил наружу, как заправский грум открыл переднюю дверцу и подал руку. Царственным жестом Катя вложила в мою лапу узкую смуглую ладонь и начала выходить из машины. Собственно, сам процесс выхода занял не более секунды. Но черноволосая «русалочка» каким-то образом наполнила его множеством изящных и соблазнительных телодвижений, ни одно из которых не ускользнуло от моего жадного внимания. Когда девушка наконец покинула салон – изящная ножка, поворот головы, плавный изгиб талии, снова ножка, – я парил в нескольких сантиметрах над землей, слегка покачиваясь на сквозняке.

– Вы ничего не забыли? – Мне показалось, что в Катиных глазах мелькнули знакомые загадочные огоньки. – Ваша сумка.

С трудом сфокусировав взгляд, я улыбнулся жизнерадостной улыбкой человека, страдающего врожденным кретинизмом, и нырнул обратно в салон за сумкой. Водитель невозмутимо разглядывал ногти.

– До свидания, – вежливо сказал я широкой спине и поспешил вынырнуть.

Катя никуда не исчезла. Не испарилась, не растворилась в воздухе. На всякий случай я зажмурился. А когда открыл глаза, она стояла уже рядом и крепко держала меня за руку.

– Что с вами, Володечка?

– Честно говоря, я боялся, что вы – мой сон, – признался я. – Подумал, сейчас открою глаза, а вас нет.

– И не надейтесь, – рассмеялась Катя. – Так просто от меня избавиться вам не удастся.

– Тогда ущипните меня, пожалуйста. Чтобы я убедился, что не сплю.

Катя приблизилась, прошептала в самое ухо:

– С удовольствием.

И... легонько укусила меня за мочку. Ночные видения вихрем пронеслись перед внутренним взором. Я не выдержал и застонал.

– Больно? – как ни в чем не бывало, девушка участливо заглянула мне в глаза.

– Немножко, – хрипло выдавил я.

– Идемте же, – промурлыкала Катя и потянула меня в лабиринт дворов.

Двигаясь, как лунатик, с застывшей, вероятно навсегда, олигофренической улыбкой на губах, я все же заметил, что мы прошли мимо кафе, магазина, кажется продовольственного, пересекли спортплощадку на задках то ли школы, то ли другого учебного заведения, прошли между двумя пятиэтажками, миновали еще одну. Там я окончательно запутался, просто шел послушно, куда ведут. Как щенок на выгуле трусит рядом с хозяйкой.

Около очередной пятиэтажки Катя приостановилась и знаком указала на подъезд.

– Нам сюда.

Лифта, разумеется, не было. Катя преодолевала лестничные пролеты один за другим легко, очевидно, привыкла. Я же, разбалованный достижениями цивилизации, топал по ступеням с грацией усталого гиппопотама. Мы поднялись на пятый этаж. Пока я топтался на площадке, Катя деловито отперла замысловатым ключом замок решетчатой двери, ведущей, как я полагал, на чердак, и невозмутимо сообщила:

– Нам выше.

Поднимаясь, я удивленно оглядывался по сторонам. Это что, частная лестница?

– Куда мы?

– На крышу, разумеется.

– Зачем?

– Живу я там, – озорно сверкнула глазами Катя.

Ступеньки привели нас все же не на крышу – если было бы наоборот, я бы, честно говоря, не удивился, – а в уютную квартиру, с замысловатой планировкой и скошенными потолками.

– Проходи же, – естественно и незаметно Катя перешла на «ты», заметив мое нескрываемое любопытство, прибавила: – Это один из вариантов решения вопроса по благоустройству жилья. По-моему, неплохо, как считаешь? Ни разу не был в таких квартирах?

Она посмотрела на меня испытующе.

– Нет. Мы что, правда на крыше?

– Истинная правда. Надстроили мансарду, получился второй этаж. В смысле второй этаж квартиры. Есть еще и первый, то есть пятый, если счет вести от земли. Только я через него входить не люблю, там замок заедает.

У меня появилось желание помотать головой, чтобы перечисленные скороговоркой этажи встали каждый на свое место.

Катя подошла вплотную, мягко отняла у меня сумку, бросила ее на пол. Чуть раскосые глаза смотрели на меня в упор, пухлые губы приоткрылись, а рука как бы невзначай скользнула по моему бедру.

– Я подумала, зачем нам в каком-то кафе париться...

В следующее мгновение «ведьмочка» уже спускалась по деревянной лестнице на первый этаж.

– Пойду сварю кофе. Кушать хочешь?

Она сказала что-то еще, чего я уже не понял. Зато одно я понял точно. Меня соблазняли. Причем соблазняли профессионально, со знанием дела. Это что, любовь с первого взгляда? Точнее, с первого звука, учитывая телефонное знакомство. Впрочем, почему нет. Разве я сам не «поплыл», едва услышав Катин голос? В любом случае на женщину легкого поведения Катя была похожа так же, как я – на балерину.

В голове шумело. Спермотоксикоз. Я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов животом, как учил Саня Малышев, когда надо было восстановить дыхание и обрести хладнокровие. Помогло, но не очень. Тогда я попробовал отвлечься тем, что принялся рассматривать квартиру.

Надстройка была сделана, очевидно, совсем недавно. Дерево, а во внутренней отделке использовалось преимущественно именно оно, еще пахло лаком и хвоей. По площади квартира была не очень большой по сегодняшним меркам. Наверху – две спальни, санузел и крохотная комнатка. Мебель почти отсутствовала, отчего комнаты казались просторными и светлыми. В одной из спален мебели не было вообще, если не считать маленького столика, на котором примостился компактный магнитофон.

В углу, прямо на полу, стоял небольшой телевизор, около него – видеоплеер, тут же горкой громоздились видеокассеты.

На полу же, занимая добрую половину комнаты, был расстелен огромных размеров матрас со стопкой постельного белья, небрежно брошенного на край. Ассоциации матрас вызывал только одни – именно те, которые и должен был вызывать по замыслу его изготовителя.

Эдакая уютная холостяцкая квартирка. Помнится, именно о такой и мечтал в беспокойные студенческие годы Мишка. Михаил Александрович Колесов. Причем именно с таким матрасом – большим, во всю спальню. И непременно на полу. А сам, между тем, чтобы не травмировать впечатлительную маму, водил возлюбленных ко мне в общагу.

– Я еще вернусь, – пообещал я матрасу и спустился вниз.

На первом этаже обнаружилась прихожая, плавно переходящая в гостиную, еще один санузел и просторная кухня.

В гостиной негромко играла музыка, а на кухне Катя колдовала над кофе.

– Так как насчет перекусить? – поинтересовалась она, заметив мою мнущуюся в дверях фигуру.

Я промычал что-то нечленораздельное.

– Перевожу это как «да, что-нибудь легкое», – рассмеялась она. – Пока можешь принять душ, ты же после спортзала...

Душ в спорткомплексе конечно же имелся, и полоскался я под ним не меньше пятнадцати минут, зализывая полученные на ринге раны. Тем не менее я решил сей факт на обсуждение не выносить. Душ так душ. Соблазняют так соблазняют. Я обеими руками «за».

Результаты только что проведенного тайного голосования привели к выводу, что душем стоит воспользоваться тем, что поближе к спальне, стало быть, на втором этаже.

Быстро разобравшись в незнакомой сантехнике, я скинул одежду, встал под теплые струи воды и задернул полупрозрачную шторку. Когда же я выключил воду и сдвинул шторку, оказалось, что одежда моя бесследно исчезла. Вместо нее на стуле лежал махровый халат, а сверху – чистое полотенце.

Вероятно, я все-таки сплю, заключил я. Придя к такому выводу, я отбросил жалкие остатки природного смущения, обтерся полотенцем и облачился в халат. Теперь музыка доносилась из спальни. Расценив это как приглашение, я, как всегда смело, шагнул навстречу судьбе. В данном случае – в спальню.

Кати в спальне не было. Прямо на полу – а где же еще? – стоял поднос, на нем – две чашки с дымящимся свежесваренным кофе, два бокала, бутылка шампанского, фрукты и большое блюдо с аккуратно разложенными бутербродами с копченым мясом, сыром и чем-то еще непонятным, но выглядящим аппетитно. Матрас уже застелен покрывалом, комплекта постельного белья нигде не видно. Наверное, он там, где ему и положено быть – между покрывалом и матрасом.

Я аккуратно обогнул поднос и плюхнулся на матрас. Тут же вскочил, но снова сел, на этот раз осторожнее. Матрас был надувным. Что ж, тоже неплохо.

Освоив матрас, я покопался в видеокассетах. Любопытно, какое кино предпочитают смотреть современные продвинутые во всех отношениях ведьмочки. Но вместо привычных названий фильмов на наклейках были написаны даты, а также буквы и цифры, в сочетании которых никакого смысла мне усмотреть не удалось. В другой ситуации кассеты, возможно, пробудили бы у меня больший интерес, очень уж необычные надписи их украшали. Но у Кати спрашивать о видеозаписях я не решился – датированные пленки вполне могли оказаться какой-нибудь семейной хроникой или чем-то в этом роде. А если так, вдруг мое любопытство покажется ей слишком назойливым? Мне же не хотелось случайно испортить этот чудный вечер. А поставить кассету в магнитофон без спроса – откровенно говоря, руки так и чесались сделать что-то подобное – я не решился из-за боязни быть застуканным. Потом я вспомнил, что это всего-навсего сон, тем более эротический, поэтому какое мне дело до каких-то кассет.

А не откусать ли мне пока бутерброд? Любовь, конечно, любовью, но с голодного мужика какой толк? Но разве во сне мучает чувство голода? Собственно, почему нет, меня же мучает.

– Привет. Не скучал?

На Кате был надет короткий черный халатик, высоко открывавший стройные загорелые ноги. Мысли о еде тут же вылетели из головы.

– Не успел.

Катя неслышно прошла босыми ногами, устроилась на матрасе, поднос поставила между нами.

– Кроме шампанского, к сожалению, ничего другого нет. Так что – действуйте, граф.

Как будто всю жизнь только тем и занимался, я сдернул с края подноса салфетку, с легким хлопком откупорил бутылку, разлил шипучий напиток по бокалам.

– Будем счастливы, граф...

Поставив бокал, Катя выбрала сочную грушу и впилась в нее острыми зубками. Я же, опасаясь, как бы шампанское не ударило в голову раньше времени, все-таки подцепил бутерброд с куском мяса потолще. Пообедать сегодня я не успел, а съесть завтрак был не в состоянии. Хотя, если я сейчас сплю, то какая разница, буду при этом еще и пьян или нет.

– Тебе нравится музыка, Володя?

Катя шевельнулась, халатик слегка распахнулся.

– Очень.

Я положил недоеденный бутерброд, вкуса которого так и не почувствовал, одним глотком выпил оставшееся в бокале шампанское и плеснул из бутылки еще.

– Волшебный напиток... – Катя пригубила золотистое вино, поставила бокал и сдвинула поднос на пол.

«Извините, очень хочется», – мелькнула в голове фраза из «Никиты», пока я падал на спину под натиском сильного гибкого тела. Больше мы ни на что не отвлекались.

Мы занимались любовью в спальне, в ванной, снова в спальне. Я никогда не жаловался на потенцию, но наличия у себя такой сексуальной энергии даже не предполагал. Музыка играла постоянно, создавая своеобразный фон. Я засыпал на короткое время, просыпался, занимался сексом, снова засыпал. Через несколько минут (часов? секунд?) просыпался, возбужденный то легким нежным, то требовательным прикосновением...

– Ты мое наваждение... – шептал я, задыхаясь от страсти и окончательно теряя грань между сном и явью.

– Вставайте, граф, – на этот раз Катя просто тронула меня за плечо.

– Нас ждут великие дела? – пробормотал я спросонья, с трудом выбираясь из липкого, тревожного сна.

Музыка продолжала негромко играть. Катя полулежала на некотором расстоянии от меня, облаченная в халатик, свежая и прекрасная, словно лесная нимфа. Надо же, а ведь я не видел, чтобы она спала. Тем не менее прошедшая ночь явно пошла ей на пользу. Чего нельзя было сказать обо мне. Чувствовал я себя в общем-то великолепно. Почти. Еще бы соснуть часиков эдак несколько. Но нельзя. Сквозь неплотно прикрытые шторы пробиваются солнечные лучики, следовательно, пора на работу. Вспомнив о работе, я подскочил.

– Сколько времени?!

До начала смены оставалось чуть больше часа. А я даже не знал, в какой части города нахожусь. Плохи мои дела. Ничего себе, день начинается...

– Не волнуйся, успеешь. Везде, куда надо. Умывайся, завтракай и ни о чем не беспокойся. Внизу тебя ждет машина.

Катин голос подействовал на меня успокаивающе, хотя смысл сказанного я уловил не сразу.

– Какая машина?

– Чтобы отвезти тебя на работу.

– А-а-а...

Катя поняла мой возглас по своему.

– Черная «девятка», «ноль-восемь-шесть».

– А кто отвезет?

– Брат, – Катя сдержанно улыбнулась.

Она легко поднялась, потянулась, грациозно изогнувшись, как кошечка. Как дикая кошка, поправил я себя, притягательная, загадочная и... опасная. К собственному изумлению, я снова почувствовал желание. И впрямь наваждение какое-то.

Я уже стоял у входной двери, когда «русалочка» спросила:

– Когда освободишься? – она провела пальчиком по моей груди.

– В два, – млея, пробормотал я. Вот черт, я же дежурю! – Только завтра.

– Почему завтра?

– У меня дежурство.

– Хорошо, тогда до завтра, граф. Жду. – Последнюю фразу Катя подкрепила долгим поцелуем.

* * *

Тщательно заперев дверь, Катя сбежала вниз по ступеням, вынула из сумочки телефон. Томность в движениях и соблазнительный блеск в глазах исчезли, уступив место холодному, деловитому выражению. Голос тоже изменился.

– Он выходит. Не пропусти, если задумает слинять, – жестко сказала она. – Ты – мой брат. Попусту не болтать. Задачу знаешь. Вопросы? Тогда все.

Она вышла на крохотный полукруглый балкончик. Такой балкончик имел специальное название, то ли французское, то ли... Какое именно, Катя никак не могла вспомнить, и это ее немного злило. Она очень щепетильно относилась к своей памяти.

Ладыгин – его фамилию она прочла на странного вида затертом пропуске, единственном документе, обнаруженном в вещах гостя, пока сам он полоскался под душем – вышел из подъезда, потоптался в нерешительности и свернул на аллею, ведущую к дороге. «Девятка» коротко, чтобы не перебудить жильцов, просигналила. «Брат» выскочил из машины, призывно махнул рукой. Ладыгин нехотя, как показалось Кате, направился в его сторону.

Черноволосая красавица довольно усмехнулась, дождалась, пока «девятка» не скрылась из виду, и только тогда вернулась в квартиру, набирая на ходу следующий номер. В ожидании, когда абонент возьмет трубку, она прошлась по квартире, остановилась перед большим зеркалом.

– Алло? – теперь вся до последнего жеста и слова она соответствовала образу вышколенной секретарши, умной, но знающей свое место. – Это я. Да. Да. Все под контролем. Пока не знаю, а давить не хочу. Возможно, случайный лох, но он только что попытался слинять. Нет, не догадывается. Уверена. Дня два, может быть, три – этого будет вполне достаточно, он уже у меня в руках.

В умелых и чутких руках. Катя улыбнулась своему отражению, послала в зазеркальное пространство воздушный поцелуй, выждала несколько минут и набрала третий номер.

– Приветствую, – произнесла она отрывисто и властно. В черных глазах застыли льдинки. – Узнал, это хорошо. Какие новости? Так. Так. Передай мальчикам, что это – их проблемы. Сами в дерьмо вляпались, сами пусть и отмываются. И чтобы не светились. Все, отбой.

Вот так. И только так. Молодая женщина небрежно бросила телефон в кресло, обтянутое плюшем, – какая пошлость, ну и вкусы у некоторых! – И, беззаботно напевая какой-то полубытый шлягер, отправилась спать.

Глава 5

Вчерашний неприветливый водитель за ночь не стал более разговорчивым. Но сейчас меня это вполне устраивало. Вел он машину уверенно и быстро. Сначала я пытался следить за дорогой. Но дрема накатывала волнами, я перестал сопротивляться и закрыл глаза. Из динамиков лилась «космическая» музыка Жана Мишеля Жарра, навевая фантасмагорические образы. Думать ни о чем не хотелось. Впрочем, как раз это было для меня привычным состоянием.

– Куда дальше?

Я очнулся. Машина стояла недалеко от станции «Тверская», холодные бледно-голубые глаза водителя равнодушно изучали мое отражение в зеркале заднего вида. Почему-то мне не верилось в его родство с «русалочкой». Но это не мое дело. Ни любопытства, ни ревности я не испытывал. Довезли – и на том спасибо.

– Это кому как, – неопределенно отозвался я, с облегчением выбираясь из машины. – Спасибо, братишка. Бывай.

До клиники я собирался дойти пешком, время еще позволяло. Почему-то мне не захотелось, чтобы «росинант» домчал меня до самых ворот. На углу я обернулся. «Братишка» стоял, опершись на дверцу машины, и мрачно смотрел мне вслед. Станный тип.

Весь день меня пошатывало от слабости и недосыпа. Вчерашнее приключение уже не казалось мне ни забавным, ни романтическим. Я злился. Злился на ненасытную «русалочку», на свою распутную натуру и, естественно, на обстоятельства, приведшие меня в объятия этой ведьмы.

Точно ведьма, подумал я почти с ненавистью. Возможно, у Колесова действительно были с ней какие-то отношения. В этом случае его состояние было вполне объяснимо – пара недель с этой женщиной кого угодно, будь он трижды Казанова, до сумасшествия доведет. Одно слово – ведьма.

Вспомнив о Мишке, я побрел в реанимацию.

– Спихватился, – проворчал Щербаков, – дружка твоего Колобок еще утром в свои владения пристроил. И слава богу. Весь день тут вчера хозяйничал. Ланской был очень недоволен.

Ланской Степан Степанович – это заведующий реанимационным отделением. И мой бывший прямой начальник. Когда господин Ланской недоволен, его подчиненным живется несладко.

– Кстати, – продолжил Щербаков, – Колобок вскользь обмолвился, что этот случай не первый в его практике.

Любопытно, вяло подумал я. Тащиться к «психическим» не хотелось. Успеется.

Сдав смену, я нашел укромный уголок, где, никем не потревоженный, проспал все время, оставшееся до дежурства на «Скорой». Несколько раз мне удалось вздремнуть в машине и в комнате отдыха.

На следующий день, чем меньше оставалось до конца смены, тем беспокойнее делалось у меня на душе. Я все чаще думал о Кате и все реже – о работе. Несколько раз я безуспешно пытался дозвониться по заветному номеру, но Катин телефон молчал.

Беспокойство мое нарастало. В четырнадцать ноль-ноль, сделав последнюю и снова безрезультатную попытку позвонить, я покинул клинику с твердым намерением немедленно броситься на поиски девушки. Теперь, если она и казалась мне ведьмой, то очень привлекательной и желанной. Проблема была в том, что, кроме телефона и имени, о девушке я больше ничего не знал. Но ведь как-то узнают адрес по номеру телефона. С этой мыслью я вышел за ворота и остолбенел, испытывая разом целый букет противоречивых чувств, от щенячьей радости до обреченности зверя, попавшего в ловушку, – на пяточке перед пропускным пунктом стоял черный «росинант», а около него прогуливалась моя ведьмочка.

– Ладыгин!

Кто-то бесцеремонно ткнул меня в спину. Обернувшись, я узнал хирурга, с таким энтузиазмом обсуждавшего достоинства Марины. Когда же это было? Кажется, только позавчера.

Теперь хирург – то ли Кузьмин, то ли Кузькин, – разинув рот, таращился на Катю.

– Ладыгин, подсажи секрет! Шикарная женщина...

А Марину он, помнится, назвал «курочкой».

– Слюни подбери, – посоветовал я и с удовольствием отвесил Кузькину-Кузьмину ответную «дружескую» затрещину.

На следующее утро «брат» подвез меня уже к самым воротам клиники. Нетвердым шагом я кое-как миновал пропускной пункт, пошатываясь, добрел до главного корпуса. Душа моя пела, стонала и материлась одновременно. Долго мне так не протянуть, удрученно подумал я, поймав в зеркале отражение осунувшегося незнакомца с лихорадочным блеском в глазах.

– Ладыгин? – прогремел над головой раскатистый голос главного врача.

Именно так он и должен греметь, голос начальства, – над головой. Эта мысль вызвала у меня кривую улыбку.

– Здравствуйте, Борис Иосифович.

Вероятно, улыбка получилась очень уж кривой и вымученной. Штейнберг величаво, как и подобает главному, спустился по ступеням, приветственно кивнул и подозрительно уставился на мою помятую физиономию. Сейчас попросит дыхнуть. Интересно, обойдусь ли я выговором, учитывая отсутствие перегара. Однако предсказатель из меня получился никакой.

– Заболел, что ли? – ворчливо-заботливо пророкотал Штейнберг.

Я растерянно кивнул и просипел:

– Есть немного.

– Непорядок. Нехорошо.

Нехорошо, это уж точно. Чувствовал я себя прескверно. А потому с готовностью поддакнул:

– Ой, нехорошо...

– Значится, так. Ступай домой, отлежись. Чайку там с коньячком... – не веря своим ушам, я внимал отеческим советам, – а лучше с вареньем. Малиновым. А завтра, – эхо начальственного голоса грозно прокатилось по вестибюлю, – чтобы как огурчик! Я понятно излагаю?

Я кивнул, все еще не веря своему счастью.

– Так чего стоишь? Ступай, голубь. И вообще. Мне, это... больные тут не нужны.

Борис Иосифович прошествовал дальше. Я проводил грозную необъятную фигуру шефа растерянным взглядом, недоуменно почесал в затылке, гадая, касается ли последняя фраза только меня или это «вообще».

Однако пора смываться. Пока шеф не вернулся и не передумал. Опасаясь возможной перемены в настроении начальства, я даже в терапию подняться не соизволил, а предпочел позвонить с пропускного пункта.

– Меня, это, сегодня не будет. Приболел я, – очень даже натурально просипел я в трубку. – Ты там передай, что меня Штейнберг отпустил.

– Сам? – ужаснулась-уточнила медсестра.

– Сам.

Не без опасений я выглянул в переулок. Черный «росинант» уже «ускакал». Слегка пришибленный очередной бессонной ночью и неожиданным расположением начальства, я бесцельно побрел по улице, стараясь все-таки выдерживать направление на станцию метро.

– Куда прешь, колхозник?

Разбитый «москвичок» с визгом затормозил в нескольких сантиметрах от моей ноги. В открытое окно выглядывало мрачно-перекошенное широкое лицо.

– Извините, – пробормотал я, отступая к тротуару и поспешно прогоняя мелькнувший в памяти образ долговязой нескладной фигуры на ночном шоссе.

– Засунь свои извинения... Доктор! Ладыгин, ты ли это! – Мордастый выскочил из машины, облапил меня здоровенными ручищами. – Я тебя не ушиб?

– Вроде нет... Чехов?

– Он самый! – маленькие глазки хитро прищурились. – Давненько не виделись. Шас ехал, о тебе вспоминал. А тут, на тебе! Доктор собственной персоной! Ну и рожа у тебя, Ладыгин! Заболел? Или с похмелья душа мается? Тебе куда? Подвезти?

– Начну с последнего, – я хрипло рассмеялся. – Подвезти.

Чехов Юрий Николаевич – до недавнего времени мой самый верный, в смысле постоянный, пациент – отставной сотрудник московского РУОПа, не так давно «вышедший в тираж» в звании полковника МВД и с хроническим расстройством желудочно-кишечного тракта. Кроме этого, Юрий Николаевич страдал также не менее хроническим чувством не то чтобы ненависти, но стойкого презрения к злостным нарушителям закона, а в последнее время – и жестоким разочарованием в жизни. Разочарование это, по моим наблюдениям, было свойственно не одному Чехову, а подавляющему большинству «отставных». Сорокапяти-, а то и сорокалетние пенсионеры, в основном здоровые, энергичные мужики, маялись от когда-то долгожданного, а теперь ненавистного безделья. Часть «отставников» спивалась тут же. Кое-кто находил занятие по душе и «по способностям». Остальные кидались из крайности в крайность – от черных меланхолических запоев до попыток начать новую жизнь и обратно, потому что делать служивые, кроме «борьбы с преступными элементами», как правило, ничего более не умели.

Юрию Николаевичу повезло. По-своему, но повезло. Пополнить шаткие ряды алкоголиков не позволяли многочисленные хронические неполадки в организме – какое, спрашивается, удовольствие от неумеренного возлияния, если приносит оно не долгожданное забвение и облегчение мирских страданий, а хандру, болезненность и неминуемое попадание в нашу клинику на неопределенный срок. Поэтому пить Юрий Николаевич научился в меру. Не сразу, но научился. Пить так, чтобы и душа имела возможность отдохнуть, расслабиться, и тело не особенно страдало.

К тому же, как говорится в народе, профессионализм, если он есть, то пропить его сложно. Уж не знаю истинных причин увольнения полковника Чехова на пенсию – ушел ли он сам или «ушли» его, – но знакомые и бывшие сослуживцы экс-полковника помнили и ценили его профессиональные качества. А потому время от времени Чехов имел возможность прервать осточертевший заслуженный отдых и освежить профессиональные навыки. Как-то раз такую возможность подбросил ему и я.

«Москвичок» Юрия Николаевича, хотя и был стареньким по фактическому возрасту, развалюхой выглядел только снаружи. Движок, любовно и неоднократно перебранный по винтику заботливыми руками хозяина, работал исправно, а в салоне машины наблюдался даже некоторый комфорт.

Я с удовольствием устроил свое брненное тело на удобном сиденье, и Чехов потянулся поменять кассету в магнитофоне.

– Не надо музыки, – запоздало воскликнул я, потому что музыка ассоциировалась у меня теперь только с одним. Но пленка уже закрутилась. От удалого и такого родного голоса солиста «Любэ» у меня навернулась слеза радости и облегчения.

– Так что, выключить? – уточнил полковник.

– Нет, эту оставь.

– Так куда подбросить-то, док? На работу али как?

– Не, Николаич. С работы я сегодня отпущен по причине нездорового вида. А куда... Сейчас поразмыслю...

– Ну, ты размышляй, а я пока все-таки поеду. Для стоянки здесь не самое лучшее место.

Я зевнул и прикрыл глаза. Чтобы лучше думалось.

– Эй, док, просыпайся. Приехали. – Я подумал, у тебя дома небось и пожрать-то нечего. А моя как раз в командировку укатила. На неделю, не меньше. И холодильник забит доверху. И мне скучно. – Чехов выкинул в окошко недокурную сигарету, поднял стекло. – Так что освобождай транспортное средство. Пойдем, на диване доспишь. Возражения не принимаются.

Куда-то ехать от обещанного дивана, который находится в двух минутах ходьбы, мне совершенно не хотелось. Но на всякий случай – неловко как-то – я осторожно поинтересовался:

– Может, я все-таки домой?..

– Чудак-человек, – рассмеялся Чехов. – Я, между прочим, прекрасно помню, где ты живешь. А почему сюда привез, уже объяснил. Еще вопросы есть?

– Никак нет, товарищ полковник!

Чехов не ответил, только хмыкнул. Мы поднялись в квартиру.

– Есть хочешь, док?

Я прислушался к своим ощущениям и честно признался, что не знаю.

– Понял. Сейчас чего-нибудь сообразим.

– В этот день бог послал им много всякой всячины... – процитировал, точнее, бессовестно перевирал я нетленку, наблюдая, как на столе один за другим появляются разносолы.

– Нет, брат, – рассмеялся Чехов, – моя ни на бога, ни на черта не надеется. Предпочитает, чтобы холодильник всегда доверху затарен был.

В завершение он вынул из холодильника запотевшую полуторалитровую бутылку пива.

– Перешел с водочки на пиво?

Большинством своих недугов Чехов мучился в первую очередь потому, что любил выпить «с устатку» водочки да закусить маринованными грибочками. Проблема заключалась в том, что слегка утомленным Юрий Николаевич чувствовал себя под вечер, а то и раньше, едва ли не каждого дня.

– Ну что ты, док, – искренне возмущился тот, – рановато для водочки. Погоди, еще не вечер. А это, – он наполнил доверху высокие тонкостенные стаканы, придвинул один мне, – исключительно для снятия напряжения. Чтобы лучше спалось. Пей, док, сразу полегчает. Проверено.

– Николаич, я что, выгляжу, как с похмелья? – притворно ужаснулся я, с удовольствием прихлебывая холодное пиво.

– Выглядишь, – Чехов хитро посмотрел поверх стакана. – Но не как с похмелья. Как с хорошего перепоя. Не надо оправдываться, – добавил он снисходительно и одновременно лукаво. – Знаю, что не пил. Вижу.

Здесь я удивился.

– А что еще ты знаешь, о, всевидящий?

– А то знаю, дорогой ты наш Владимир Сергеевич, – Чехов откусил огромный кусок бутерброда и тщательно пережевывал, выдерживая многозначительную паузу, – что влип ты по уши в очередную историю.

От неожиданности я поперхнулся. Чехов невозмутимо потягивал пиво.

– Понимаешь, док, – продолжил он, – ты – хороший врач. А я – хороший мент. В смысле профессионал. И этим все сказано. Так что не томи. Давай рассказывай.

– Да что рассказывать...

– Все, с самого начала.

Не знаю, насколько высок уровень профессионализма Чехова-мента. Вероятно, высокий, раз до полковника дослужился. Да не где-нибудь, а в РУОПе. И все же в этот раз Чехов-мент промахнулся. Если он рассчитывает услышать рассказ о чем-то криминально-авантюрном, то ждет его глубокое разочарование – ничем, кроме как, хм, многочасовым траханьем с небольшим перерывом на работу, я последние несколько суток не занимался.

У меня нет привычки делиться с кем бы то ни было подробностями моих взаимоотношений с женщинами. Но то ли это неожиданное и стремительное любовное приключение было слишком уж необычным, то ли переутомился я на ложе любви. И мне захотелось обо всем рассказать: о Мишке, о Кате, о моей странной, болезненной привязанности к этой женщине. Когда я был с ней, мир вокруг исчезал, оставались только я и она. Едва мы расставались, мною овладевало одно-единственное желание – немедленно, сейчас вновь же оказаться рядом с ней. И за это я ее ненавидел.

И я рассказал. Детально, обстоятельно. Рассказал Чехову-другу. А начал с самого начала – с Мишки Колесова. Ведь если бы не он, вряд ли я встретился бы с Катей. Чехов слушал внимательно, не перебивая. Изредка только хмыкал, смеялся или недоуменно качал головой.

– Вот так, – закончил я, – а теперь, мне кажется, я действую по принципу «подпилю у стула ножку»: и не встречаться я с Катей не могу, и встречи наши, это и ежу понятно, добром не кончатся. Для меня это увлечение наверняка закончится так же, как... Слушай, у меня все Мишка из головы не идет. А что, если...

– Если твоя ненаглядная ведьмочка его затрахала? – захохотал Чехов.

Я, оскорбленный, немедленно надулся.

– Извини, Володь, – Чехов вытер выступившие от смеха слезы. – Но, прикинь сам, не все же такие чувствительные, как ты. Может, твоему приятелю она до лампы. Может, она подмешала тебе чего? Приворотного, в смысле?

– Не знаю... – я начал перебирать в памяти, что пил и ел у Кати. Потом уловил смысл вопроса и рассердился. – Слушай, ты, кончай издеваться! Не надо было вообще ничего рассказывать.

– Ладно тебе, шуток не понимаешь.

Чехов подлил еще пива. Я замотал головой.

– Не, я пас. Спать хочу, сил нет.

– Сейчас поспишь. Как ты говоришь ее, Катя... а дальше?

– Не знаю, – я пожал плечами.

– Ну, фамилия, чем занимается. Кем она трудится-то?

– Да откуда я знаю!

– Вспомни, док, – терпеливо произнес Чехов, – вы же о чем-то разговаривали. Слово здесь, другое там – вот тебе и информация.

– Да мы, собственно... и не разговаривали. Не до того было...

– Ну знаешь, Сергеич, – Чехов откинулся на спинку стула, захлопал в ладоши, – я восхищен.

– Да чего уж там, – я скромно потупился.

– Ладно. Где живет твоя пассия, объяснить-то сможешь? Район хотя бы?

– ...

Чехов снова захохотал. Отсмеявшись, высказался:

– Да, брат... Теперь я понимаю, почему ты до сих пор не женат. Что ж, будем плясать от того, что имеем. Знаешь что? Вот тебе телефон, звякни на работу и предупреди руководство, что до завтра ты вряд ли оклемаешься. Чего скривился так? Тоже, понимаешь, работоголик нашелся. Звони, говорю, – он вручил мне телефон, – а то сам позвоню. Скажу, что Ладыгин прикован к постели. К Катиной, – добавил он, ехидно посмеиваясь.

Я слишком устал, чтобы думать, тем более спорить. Рассудил, что Чехов умный, ему виднее, и поднял трубку. Попытка не пытка. Кто же это говорил?

Прибавив голосу болезненности и утомленности, я довольно туманно обрисовал шефу симптомы своего заболевания, ловко увильнул от уточнения диагноза, напомнил, что отпустил меня «сам главный», а под конец совсем уже замогильным голосом сообщил, что чувствую

себя настолько скверно, что сомневаюсь, смогу ли завтра встать. Шеф клятвенно заверил, что клиника в мое отсутствие не рухнет, а за моими больными присмотрят.

– Но послезавтра, Владимир Сергеевич, – закончил он сухо, – очень надеюсь увидеть вас на рабочем месте и в рабочем состоянии.

– Ловко ты, – несколько завистливо сказал Чехов, отбирая у меня телефон, – вот теперь можешь идти баиньки. Казанова...

Я не стал вдаваться в подробности, почему и с какой целью он расспрашивал меня про Катю. Кто его знает, может, по привычке. Мент – он и на пенсии мент. А может, из зависти. Облегчив душу неожиданной исповедью, согретаемый мыслью о неожиданных выходных, я завалился спать. Ужа засыпая, слышал, как полковник куда-то звонил, с кем-то разговаривал, спорил, приказывал, уговаривал...

Спал я без сновидений. А когда проснулся, на кухне кто-то негромко разговаривал. С минуту я лежал, всматриваясь в полумрак, пытаюсь сообразить, кто бы это мог быть, и прикидывая, не поспать бы еще капельку. Потом пришел к выводу, что встать все-таки придется – выпитое утром пиво настоятельно просилось наружу. После пива вспомнился Чехов, наша утренняя встреча и застольная беседа, а также причина моего пребывания в этой квартире. С трудом я разглядел стрелки на наручных часах: восемь. Интересно, утра или вечера? На полу перед диваном лежал лист бумаги. Я поднял его и отправился на кухню.

Чехов находился в приподнятом расположении духа. Глаза его сверкали охотничьим азартом и энтузиазмом. Он курил, разговаривал по телефону и периодически прикладывался к «сиротской» чашке объемом не менее чем поллитра. Увидев меня, он прикрыл микрофон рукой, возбужденно произнес:

– Выспался, страдалец? Чайник горячий. Там чай, там кофе. Я скоро.

Он снова углубился в разговор. Я машинально взглянул на листок, который все еще держал в руке. Записка была лаконичной: «Уехал. Буду к вечеру. Развлекайся. Не вздумай смыться. Юра».

Я посетил туалет, умылся, поставил разогреть чайник. Полковник все еще разговаривал. Теперь он в основном слушал и делал какие-то пометки в блокноте. В дверь позвонили. Чехов посмотрел на часы, потом вопросительно – на меня. Я кивнул.

– Док, проводи гостя в комнату, будь другом. Скажи, минут через пять приду, – крикнул вдогонку Юрий Николаевич.

Гостем оказался невзрачный худой мужичонка лет шестидесяти. Он глянул на меня настороженно, услышав, что Чехов здесь и просит зайти, бочком прошел в прихожую, так же вдоль стенок – в комнату. В нем причудливо сочетались желание казаться как можно менее заметным и чувство собственного достоинства.

– Владимир, – я протянул гостю руку.

Тот отчего-то смутился, вытер ладонь о поношенные штаны, пробормотал:

– Кругленький. Николай, – и неожиданно крепко пожал мою руку. Только получив приглашение устраиваться поудобнее, он присел на самый краешек дивана и замер в ожидании.

Чувствуя себя обязанным развлекать странного гостя со смешной фамилией, я включил телевизор, пощелкал кнопки, выбирая канал, пока не отыскал среди бразильских, аргентинских, мексиканских сериалов программу новостей. Безукоризненного вида девушка на экране делилась информацией о последних событиях:

– Нашему оператору по счастливой случайности удалось заснять триумфальный для американской полиции арест этого крупного афериста и мошенника. Посмотрим пленку.

Изображение девушки исчезло, появилась полицейская машина перед входом в шикарный отель. По ступеням спускалась группа людей в штатском, оттесняя любопытных от высокого черноволосого мужчины в дорогом костюме и со снисходительной улыбкой на спокойном лице. Прежде чем сесть в машину, он обернулся к камере и что-то весело крикнул.

– Жаль, что по-английски не понимаю, – посетовал я, – любопытно, что может сказать на прощание «крупный аферист и мошенник».

– Он сказал: «Дорогая, к обеду не жди».

– Вы знаете английский?

Мое изумление, очевидно, не ускользнуло от внимания гостя. Он слегка улыбнулся и пояснил:

– Выучил, пока у Хозяина отдыхал. В тюрьме, – «перевел» он, встретив мой недоумевающий взгляд. – Память у меня хорошая, вот только учиться всегда недосуг было. А на киче чем заниматься? Все в камере да в камере. Вот и учился, пока за хорошее поведение на зону не перевели. Токмо английский я не сильно знаю. Все больше на испанский налегал.

– Вы что, сидели в тюрьме?! А... простите мое любопытство, за что?

– Убийец я, – будничным тоном ответил мужичонка-полиглот.

Чехов ворвался в комнату со скоростью небольшого торнадо, встряхнул гостя руку, хлопнул по плечу.

– Здорово, Микола. Что нового накопал?

Кругленький зыркнул в мою сторону, потом решил, вероятно, что полковнику виднее, и неторопливо доложил:

– Объект не покидал квартиру до вечера. Аккурат полтора часа назад сел в машину с шофером и погнал вот по этому адресу, – он черкнул в протянутом блокноте несколько строк, – номер машины тоже записал. Квартиру не знаю, подниматься за объектом не стал. Чтобы не отвечивать, значит. Но тот, видно, никого не застал, потому как вышел из подъезда через четыре минуты двадцать секунд в расстроенном состоянии. Водила с тачкой припарковался около въезда во двор. А объект на такси отбыл до дому. Я там оставил дружана подежурить. Надежный человек. А сам к тебе, Юрий Николаич, подался. Кажись, все.

– Спасибо, Микола, хорошо поработал. На завтра задание то же. Если меня не будет на телефоне, связь держим как обычно. На расходы осталось или еще подкинуть?

– Есть пока.

Микола помялся.

– Говори, говори, – заулыбался Чехов. – Чего робеешь?

– Ты, это, Николаич, книжку какую дай почитать, а?

– Что за вопрос, выбирай, – Чехов широким жестом указал на книжные полки. – Тебе какую: детектив, фантастику?

– Мне бы историческое что...

– Момент, – полковник прищелкнул пальцами, выудил с полки двухтомник, – держи. Стоящая вещь.

– Я пока одну возьму, – Кругленький вернул второй том, степенно попрощался и бочком выскользнул за дверь.

Пока хозяин провожал гостя, я взял отложенный в сторонку второй том: «Столпы земли» Кена Фоллетта. Действительно, стоящая вещь.

Чехов вернулся, оживленно потирая руки. Я не удержался от реплики:

– Колоритные у тебя знакомые. Он что, агент? Или как там у вас эта должность называется?

Чехов хохотнул, упал в жалобно заскрипевшее кресло.

– Поясняю популярно. Первое. Агентов в квартиры не приглашают. Второе. Агентов специально никому не представляют. Третье. Коля Кругленький – мой бывший сосед. В прошлом – токарь высшего разряда, головастый мужик. Мудрый. И духом силен, даже на зоне не сломался. Микола не какой-то там зэчара зачуханный. А по сути даже и не преступник. Время от времени я подкидываю ему работенку на прокорм – после отсидки работу вот так запросто не найдешь, да еще в его возрасте. А мне для дела, потому как знаю – человек он надежный

и умный. А что к Хозяину попал, не его вина. К тому же свое он отсидел. Вышел досрочно, скостили срок за примерное поведение.

– Я так понял, он кого-то убил?

– Ага. По ошибке топором зарубил. Пошли ужинать.

– Не понял? – не унимался я, догоняя Чехова в коридоре. – Как можно зарубить топором по ошибке?

– Можно, док. И не такое можно. А на Миколу ты не косись. Он мужик честный, сам с повинной пришел. А что ошибся, так с кем не бывает? Темно было, думал теща, оказалось – жена. Порежь лучше сырок. А я воду дляпельменей поставлю.

Сколько знаю Чехова, не могу понять, когда он шутит, а когда говорит всерьез.

– Так вот, – Юрий Николаевич вынул стопки, бутылку водки, поймал мой протестующий взгляд, ухмыльнулся, – без этого, брат, хорошего разговора не получится. А сказать мне есть много что интересного. Пока ты дрых... Да ладно, не оправдывайся. Кобель кобеля всегда поймет. О чем я, значит? Ага, так вот, пока ты дрых без задних ног, мы с Колей Кругленьким работали в поте лица. Но об этом потом. Скажу только, что чутье меня не обмануло. А пока расскажу тебе любопытную историю с научно-фантастическим уклоном. Эдакую историческую сказку.

– Так это сказка, научная фантастика или историческая справка? – потребовал я уточнения.

– Ты к словам не придирайся. От названия суть истории мало изменится. А вот как ее воспринимать, сам решай. – Чехов поднял стопку, я, смирившись с необходимостью возлияния, последовал его примеру. – Ну, будем.

Полковник одним махом опрокинул содержимое стопки внутрь, прислушался к ощущениям, довольно выдохнул:

– Хорошо пошла!

Некоторое время мы молча поглощали еду.

– Ну, между первой и второй, как говорится... – Чехов поднял бутылку.

– Николаич, – взмолился я, – пощади. Ты же знаешь, я вот так, по-вашему, не могу.

– А никто тебя и не заставляет, – резонно заметил Чехов. – Ты, главное, компанию поддержи. Я сам теперь, можно сказать, умеренно выпивающий. Клянусь, за три недели – ни-ни, только пиво. Ну, твое здоровье! Стопочку-то подними, дорогой товарищ, уважь старика, – он прищурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.